

Галина Дмитриюкова

Относящаяся к небу

презис

Керч
2013

Галина Дмитриюкова

ОТНОСЯЩАЯСЯ К НЕБУ

проза

ББК 84.2 (Крым. - рус.)
Д 34

Галина Дмитриюкова «Относящаяся к небу». Эзотерика
«КГЛито «Лира Боспора» 108 стр. 2013 г.

Редактор: Вдовенко А. Н
компьютерный набор, макет: Т. В. Левченко
иллюстрации: Интернет

В книгу известного керченского литератора Галины Дмитриюковой включены произведения, объединённые общей фантастической, эзотерической тематикой. Они несомненно должны привлечь внимание читателя вдумчивого, интеллектуального, который интересуется не только и не столько миром бытовым, материальным, сколько мирами высшими, духовными. Другими словами: мирами, относящимися к небу.

ISBN 978-071-482-794-3

*© «КГЛито «Лира Боспора» - макет, дизайн 2013 г.
© Дмитриюкова Г. Н. - текст 2013 г.*

Галина Дмитрюкова

**ОТНОСЯЩАЯСЯ
К
НЕВУ**

проза

Керчь
2013

СТРАННЫЙ ГОРОД

Я опять в этом городе. Когда-то давно, я уже была здесь однажды. Его старые улицы с невысокими домами немного напоминают греческие лабиринты, построенные в стиле классических прямоугольников. Вот, за поворотом, должен быть полуразрушенный храм, столь величественный и теперь, что к его подножию тревожно подходить. Взгляд так и приковывает к его большим аркам, украшенным каменными изваяниями каких-то фантастических животных. Вот он! На фризе, едва различимы, выпуклые надписи на незнакомом языке. Краска на них, цвета терракоты, вся поблёкла от времени. Очевидно, это было грандиозное культовое сооружение. Мне хочется приблизиться и войти, но замечаю, что с одной стороны ведутся реставрационные

работы, и, с сожалением, медленно обхожу храм, не решаясь войти в ворота с дивными арками. Я так давно стремилась сюда, и теперь моя душа была в ликующем восторге, словно вернулась в родной дом.

Повернув вправо, иду по короткой улице, продолжая оглядываться, время от времени, на это чудо древнего зодчества. Храм как будто с укором смотрит на всех с высоты и через века.

Опять поворачиваю, но уже влево, и по длинной улице иду не спеша, разглядывая редких прохожих и удивляясь тому, что большинство домов огорожены слишком высокими каменными заборами, с одними только калитками, без других проёмов.

Улица вдруг резко заканчивается на крутом обрыве, и я вижу, что внизу располагается другая часть города, куда ведёт довольно крутая лестница с небольшими площадками для отдыха. Город расположен как бы террасами. Я подхожу к проходящей мимо меня пожилой женщине и спрашиваю, как попасть в нижнюю часть города. Она довольно любезно мне отвечает, объясняя, что нужно спуститься по лестнице. Мне почему-то кажется, что она говорит не на родном языке, хотя без всякого акцента.

Делаю пару шагов и, глянув вниз, понимаю, что спуск займёт слишком много времени. Тогда, легко оторвавшись от земли, я расправляю руки и взлетаю. Меня охватывает знакомое чувство лёгкости. Из-за зелени,

укрывающей всё внизу, было плохо видно лестницу, и я взлетела чуть выше. Моё длинное крепдешиновое платье было в цвет зелени и делало меня похожей на бабочку. Пролетев немного, я увидела людей, поднимающихся по лестнице. Мне почему-то не хотелось, чтобы они меня заметили, я боялась их испугать. Заметив внизу крышу небольшого строения с площадкой, я осторожно опустилась на неё, но тут же увидела удивлённые взгляды людей. Они, оглядываясь на меня, молча поднимались по лестнице. Вниз почему-то никто не спускался. Я стояла довольно близко к ним, и обратила внимание, что большинство из них были пожилыми. Вдруг, обгоняя других, на площадку для отдыха заспешила женщина в тёмной шляпке, приветствуя меня. Рукой в короткой белой перчатке она помахала над головой и, улыбаясь, говорила проходящим людям, что я её знакомая. Мне тоже было знакомо это лицо, но я никак не могла её вспомнить. В её тёмных глазах была такая радость, что очень контрастно выглядело на фоне всех строгих лиц. Она помахала ещё рукой и бодро побежала вверх по лестнице.

Я взмахнула руками и полетела, планируя то выше, то чуть опускаясь. Я легко управляла своим телом, почти невесомым, и сожалела, что жители этого города так не могут, и чувствовала от этого себя ещё большей чужестранкой.

Опустившись на землю, я некоторое время бродила по нижнему городу, встречая редких прохожих и удивляясь малочисленности жителей. Вдруг меня догнала светловолосая девочка лет десяти, и с улыбкой поманила за собой, запросто сказав, что хочет мне что-то показать. Мы поднялись на одну из террас, и метрах в шестидесяти я увидела небольшой домик, старый, покосившийся, без забора, с маленькими окошками и узкими дверьми. Около него был небольшой ухоженный палисадник с чудесными цветами, такими яркими и знакомыми, что я даже растерялась от неожиданности. Невдалеке я увидела цветы ещё красивее, целую лужайку. Это был цветочный островок среди зелени и залитых солнцем домов. Притрагиваясь к цветам, я называла их по именам и глаз не могла отвести от этого чудо-уголка. Девочка беззаботно побежала дальше, маня меня за собой, к другому небольшому домику, с голубыми окошками. Здесь тоже был цветник. И казалось, что вот сейчас из домика выйдет Мальвина — девочка с голубыми волосами, и её верный пудель Артемон. Но вышла моя знакомая, светловолосая девочка и пригласила меня войти. Я вошла. Маленькие комнатки были все в коврах, на окошках — накрахмаленные занавески. Всё это напоминало о чём-то далёком и милом сердцу. Девочка что-то говорила, показывая всякие безделушки, очевидно, свои богатства, но я не слушала её, а, улыбаясь, рассматривала жильё. Побыв не

много в доме, мы вышли во дворик. Солнце склонялось к западу, день уже угасал. Девочка собрала для меня букет из красных маков, которые зазелели в моих руках, как закат.

Мне пора было уже возвращаться из этого сказочного города и, попрощавшись с девочкой, я пошла знакомой дорогой. На перекрёстке я увидела молодого мужчину, явно кого-то поджидающего. Ещё раз подивившись столь редким прохожим, я поравнялась с ним. В этот миг он повернулся ко мне, смерив беспристрастно-оценивающим взглядом, но тут же отведя глаза. «Сейчас он пойдёт за мной.» — подумала я, то ли от того, что было мне здесь одиноко, то ли от его равнодушного взгляда. Он окликнул меня. Я шла, не останавливаясь, зная, что он захочет меня проводить.

Мужчина быстрыми шагами догнал меня и как-то торопливо спросил: «Можно, я провожу вас?». Я пожала плечами. Мы шли молча, пока улица внезапно не закончилась. Он ни о чём не спрашивал. Я остановилась и сказала, что уже пришла. Впереди дороги не было, мы стояли у края обрыва, а где-то внизу всё утонуло в зелени. Совсем низко над нами плыли облака, сливаясь с вечерним туманом. «Можно мне с тобой?» — вдруг спросил он. Его серые глаза были такие печаль-

ные, что мне стало жаль его. Длинные чёрные волосы, собранные на затылке, придавали его лицу строгость. «Нет, я живу не здесь, — ответила я. Он не спросил, где, а посмотрел пристально в мои глаза. — Не смотри на меня, а то не сможешь забыть, — пошутила я. — Живи в своём городе, он такой странный...». «Возьми меня с собой!» — Он начал мне нравиться своей настойчивостью. «Ты ведь даже не знаешь, куда я отправляюсь!» — Удивилась я. «Это не имеет никакого значения!» — ответил он и взял меня за руку. Я улыбнулась. Это было действительно смелое решение. Мягко оттолкнувшись от земли, мы взлетели. От лёгкого ветерка, букет маков трепетал в моей руке. Я посмотрела на своего спутника: его глаза были широко распахнуты, в них был неопиcуемый восторг.

Я проснулась, но ещё долго не раскрывала глаз, размышляя о странном городе. Какой замечательный сон! Может, разрушенный храм — это мои несбывшиеся мечты, светловолосая девочка, манившая меня, — удивительный зов другого мира? Ведь цветы — это связь земного и небесного. Я вспомнила лицо незнакомца из странного города. «Наверное, он был просто воплощением жизненных сил, подарком небес.» — Подумала я и, улыбаясь, прошептала:

Твоё лицо украсила улыбка
И лёгкий ветер запах трав принёс,
И наша встреча не была ошибкой,
А просто воплощением давних грёз!
Я открыла глаза и увидела на столе букет
маков. Со спинки стула свисало зелёное платье
из крепдешина.
За окном медленно падал снег...

ХРАНИТЕЛЬНИЦА ТАВРИДЫ

*«Тщи предков, как розовые ангелы
ветшают над храмом в рассветлой заре...»*

«Винда»

Наступило лето, жаркое, южное. Чудесное лето! В это время мы всегда отправлялись с друзьями на море за город, в любимую бухту. В юношеской дружбе заложена какая-то тайная сила, которая остаётся на всю жизнь. И в этот раз решили продолжить свои традиции. Казалось, что сам Бог к нам благоволил. Всей своей дружной компанией мы поехали к морю. Нет, не к тому, рядом с которым постоянно жили. Жители приморских городов предпочитают отдых на диком пляже, где дивные скалы, жёлтый песок и островки зе-

лёного шиповника на холмах. Поджариваясь под южным солнцем и ныряя в прохладную воду, прозрачную, словно слеза, сливались с природой.

В этой небольшой бухте всегда было тихо и безветренно. Её со всех сторон окружали скалы. Маленькие рыбки стайками сновали между камней у самого берега. Они подплывали к растениям, камням и, озорно толкая друг друга, моментально уплывали. Или застывали на одном месте, подставляя свои спинки солнышку, словно загорая. Здесь было несколько гротов с причудливыми камнями, похожими на алтарь, где можно было отдохнуть от палящего солнца. Дикий берег. Кругом только море, на многие километры ни души. Здесь чувствовалось удивительное единение с природой. В этом было что-то волнующее и спокойное одновременно. Словно чувствуешь присутствие каких-то духов, невидимые глаза которых отовсюду наблюдают за тобой.

Я опустила к самой воде и ходила вдоль берега, собирая как маленькое счастье красивые раковины, которыми был усеян весь берег. Ведь счастье можно найти и в песчинке, потому что для её создания потребовались миллионы лет. Мои друзья расположились наверху склона. Вдруг я увидела розовую медузку с красивым названием Аурика-Аурелия. Она была похожа на розовый цветок с пятью лепестками и колыхалась в воде, как будто говоря: «Вот видите, какая

я необыкновенная!» Ведь у обычных медуз всего четыре лепестка.

Песчаный берег закончился, и белые плоские камни словно перекрыли путь, но что-то влекло меня дальше... Легко переступая по гладким, горячим от солнца, камням, я ощущала себя будто в другом мире. На одном из камней я заметила чёткое изображение головы льва – символа Милета, а рядом кварцевые вкрапления в виде круга, в котором были непонятные знаки. Я трогала их руками, не могла поверить своим глазам. Мне хотелось закричать, чтобы поведать о своей находке, но неведомая сила удержала меня, и, усевшись на камень, я погрузилась в безмолвие. Позади возвышались скалы, наклонившиеся друг к другу и образуя полукруглый люнет, словно портал в другой мир, а впере-

ди море, что несёт в себе все перемены времени.

Мои друзья уже начали волноваться из-за моего отсутствия, давая о себе знать громкими криками, которые эхом отражались в прибрежных скалах. Я поспешила к ним. Почему-то плавать в море никто не хотел и, освежившись водой у берега и немного позагорав, стали собираться домой. О своей находке я никому не сказала.

Когда мы вернулись в город, уже вечерело. Наш путь лежал в гору, к дому, где жила тётушка одного из друзей. Над городом медленно опускались сумерки. Мы поднимались по узкой тропинке, которая вела к домам, прижавшимся к склону горы. Оглянувшись, чтобы полюбоваться вечерним пейзажем, я заметила что-то светящееся в небе. Не придав этому никакого значения, я продолжала подниматься вверх, но какая-то сила заставила меня оглянуться. От моего «Ой!» оглянулись все и в изумлении уставились в небо. Светящийся объект приближался с большой скоростью, раскрываясь, как цветок. Он ненадолго завис в воздухе, словно давая возможность его рассмотреть, и превращался в образ женщины. От неё исходило сияние, как от радуги. Она танцевала, плавно поводя руками. Её длинный светлый хитон окаймляла широкая золотая полоса. У неё было необыкновенно красивое лицо, а русые волосы аккуратно уложены. Никто из нас не мог пошевелиться. Мы стояли как замороженные и смотрели на

эту небесную красавицу. Она зависла в воздухе, похожая на статую Свободы – огромная и величественная. Её глаза были устремлены будто внутрь каждого из нас, заставляя съёживаться под глубоким, всепроникающим взглядом. Страха не было. Небесная Дева, казалось, забыла о нас, взмахнула, как птица крылом, рукой и унеслась в небо, словно растаяла. Затем возникла вновь на самом верху горы. В её руке сверкал огромный кристалл.

Некоторое время её образ оставался недвижим, и вдруг закружился, разбиваясь на тысячи сверкающих пикселей, и как молния, ушёл в землю между огромными камнями.

Когда мы пришли в себя, то, не сговариваясь, понеслись к тому месту, где исчезло видение, но, разумеется, ничего не обнаружили. Обескураженные и ошеломлённые увиденным, мы молча вошли в дом к тётушке Диане.

– Вы что такие перепуганные? – весело спросила она.

– Мы сейчас такое видали! – выпалила я вместо приветствия, но, увидев загадочную улыбку на тётушкином лице, осеклась.

– Деву видели? Она здесь часто появляется. Первый раз, когда её увидела – испугалась, а потом ничего, привыкла. Разговариваю с ней, только она смотрит и молчит. Храмы свои облетает, видимо, – невозмутимо продолжала тётушка Диана. – Я расскажу вам легенду о ней.

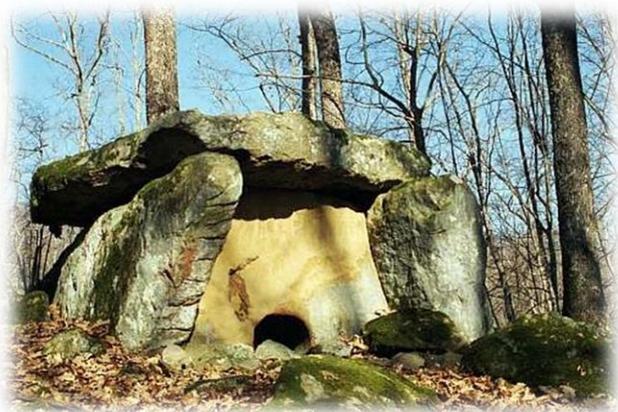
– Это всё было очень давно. На Чёрном море, которое тогда называлось Понтом Эвксинским, находилось много островов. Крым тоже был островом – страной Меру, страной богини Девы. На озёрах цвели бело-розовые лотосы, белые водопады спадали с высоких гор, белые реки текли среди долин. Одна из них называлась Лета. С запада на восток лежала гряда гор, называемых Большой Харой. Внизу плескалось море, и ветры Борей и Аквилон носились по его просторам.

Вокруг были другие острова – Цирцеи, Кирки, остров Эолия, на котором родились Артемида и Аполлон. Все они ушли под воду...

В каждом из городов нашего острова стоял храм Девы. Она была хранительницей знаний предков, их магической силы, от которой зависела повседневная жизнь людей. Возле её храмов росли священные дубы. Все их листья вспыхивали божественным светом,

и казалось, что они горят. В шелесте листьев этих дубов можно было услышать пророчества.

Каждые девятнадцать лет бог Аполлон прилетал на небесной колеснице в Палактион – столицу страны Девы, на празднование Тарги, когда совершались человеческие жертвоприношения. Верховный жрец богини всегда был хромым, как Ахилл, которого мать, морская богиня Фетида, купая в источнике,

держала за пятку. И при этом вывихнула младенцу лодыжку. Храм для жертвоприношений находился на вершине горы Девы, а жертвы сбрасывали со скал.

По всему острову сооружались дольмены – памятники предкам, которые хранили вековые знания и могли передавать их людям. Дольмены строились на разломах в земной коре, где проходили мощные энергетические потоки, как и в храмах. Тавры, которые жили

на острове, верили в перевоплощение души. «Мир один для живущих и для предков» – считали они. Ведь мироздание в своей тонкой ипостаси нескончаемо. Всем этим управляла Дева. Никто не знает её имени. Люди называли её по-разному во все времена: то Кибелла, то Исида или Диана, – тётушка поправила вьющиеся волосы, напоминая этим, видимо, что она тоже Диана.

Тётушка Диана замолчала, а мы ждали, затаив дыхание.

– А что она в руках держала, сверкающее? – не удержалась я от любопытства.

– Это горный хрусталь Амараратна – драгоценный камень богов. Камень – означает предок. Кристаллы запоминают всё. Они имеют тонкие тела, как и живые существа. В предыдущих цивилизациях люди знали, что хранить информацию в кристаллах рациональнее. Даже слово «космос» имело первоначальное значение «драгоценный камень». Жрецы обладали магическими способностями для вызова душ мёртвых предков, чтобы их знания поместить в кристалл. Через эти кристаллы люди получают от своих предков духовные знания. Камень богов помогает видеть всё сокрытое. Каждая его грань превращается в экран, показывающий невидимый мир. С его помощью жрецы обретали ясновидение и мудрость, и даже способность перемещаться по воздуху.

– Откуда вы всё это знаете? – опять поинтересовалась я. Тётушка Диана улыбнулась и сказала:

– Когда-то давно, занимаясь туризмом, я обследовала весь Крым. Это ведь действительно удивительный край. Необыкновенный! Таинственный... На склонах многих гор есть дольмены: и на Кара-Даге, и на горе Кошка, у которой камни так отполированы временем, что только скалолазы могут туда добраться, и в Старом Крыму, где обитает женская сущность, которая нежным голосом всех приветствует. На горе Демерджи есть дольмен, который может поведать о левитации, а в Красных пещерах дольмены гармонии. Возле них чувствуешь себя так легко, что хочется взлететь. Даже в Неаполе-Скифском – древней столице скифов неподалёку от современного Симферополя, на Красной Горке есть дольмены. Ещё в Крыму много пирамид, их более сорока. Все они находятся под землёй, на десятиметровой глубине. Очевидно, просели из-за землетрясений. Ведь Крым когда-то был цепью вулканов. Уцелел лишь Кара-Даг. Предания говорят о том, что в Чёрной горе горел неугасимый огонь, и из неё шли подземелья по всему острову. Из Красных пещер можно, по подземным галереям, выйти под Керчью, а это почти сто с лишним километров. Но на это решаются только смельчаки. Однажды, будучи на одном из склонов Демерджи, я увидела два огромных столба, которые напоминали двери. Когда я подошла к

ним поближе, то почувствовала какой-то поток воздуха. Казалось, что ветер входит в этот каменный проём. Они словно манили к себе, и когда я вошла в эту прохладу, то увидела совсем другой мир, другую природу. Это было видение, в котором мне открылось прошлое нашего Крыма, – тётюшка Диана замолчала, словно вспоминая пережитые ею видения.

– Ну а дальше? Что было дальше? – нетерпеливо спросил один из моих, до сих пор молчавших, друзей.

– На склоне вот этой горы, – тётюшка Диана указала в ту сторону, где исчезло видение, – тоже стоял белоснежный храм Девы. Около храма росло дерево, которое называлось «волосы девушки». Ему было несколько тысяч лет. Кто пил настой из его листьев,

получал молодость и бессмертие. А у подножия горы сидели огромные грифоны. Они обладали магической силой и не пропускали простых смертных в храм. Только посвящённые и жрецы имели туда доступ. Но потом на берегах Чёрного моря милетяне основали Пантикапей, – неторопливо продолжала повествование тётушка Диана. – По легенде, его основал племянник Медеи – дочери царя Колхиды, волшебницы, помогавшей аргонавтам. Город назван по имени реки Пантикапы, которая теперь называется Мелек-Чесме. Одним из самых известных правителей был Митридат VI Евпатор, чьё имя связано с потомками Александра Македонского. Это было Боспорское царство. В ту пору холм акрополя украшали белоснежные храмы Артемиды и Аполлона, Диониса, Афродиты, Деметры. Огромный Пританей – дом городских властей, с трёх сторон окружали колонны, внутри находился алтарь, украшенный рельефной головой быка и лавровыми листьями. Винодельни и мастерские, как ласточкины гнёзда, располагались на террасах по середине горы. В Пантикапее ежегодно проводились агоны – публичные соревнования граждан в поэзии, спортивные состязания. Победителям вручались знаменитые панафинейские амфоры. Это было уже огромное государство. В геральдике скифских царей имелось изображение пчелы. Древние верили, что мёд и пыльца – пища богов, которая приносит молодость и жизненные силы. Воины брали с со-

бой в походы лепёшки из пыльцы и свёклу, чтобы восстанавливать силу и выносливость.

Но произошло сильное землетрясение, и храм Девы разрушился, как, впрочем, и остальное. Митридат погиб в том же году, когда случилось землетрясение, здесь, на этой горе Девы, названной позже его именем.

На акрополе, пустынном и безлюдном, гулял ветер среди развалин храмов. Боспорское царство постепенно прекратило своё существование.

Сияющая Дева по-прежнему прилетает сюда. Возможно, в другом мире её храм сохранился...

Тётушка закончила свой рассказ, а мы всё сидели, словно зачарованные, представляя сияющую Деву, хранительницу Тавриды; грифонов, летающих над горой; царя Митридата. Внизу в свете звёзд блестело море, как и много веков назад, хранящее свои тайны.

СОЗВЕЗДИЕ СТРЕЛЬЦА

Анатолию Гендину

Дул свежий южный ветер. Дорожка вела вдоль по склону берега, внизу плескалось море, тихое и спокойное. Слева шумел парк уже золотистой листвой. Осень ждала своего часа, принаряжая деревья в золотое убранство. Тропинка раздваивалась, и я, не задумываясь, пошла по правой, нарушив тем любимый маршрут. Я часто приходила сюда, чтобы уединиться и просто помечтать. Любуясь парком, незаметно подошла к большому красивому дому и очень удивилась, так как никогда раньше даже не догадывалась о его существовании. Полукруглый вход с невысокими ступенями и белыми колоннами, большие окна, – мне всегда нравились эти строения XIX века. Немного поколебавшись, всё же решила зайти внутрь.

Дверь легко открылась. В просторном холле никого не было. Оглядевшись, я прошла через холл к высокой дубовой двери и потянула за массивную ручку. Передо мной был огромный прямоугольный зал. Стены, украшенные позолоченным багетом, и настенные светильники придавали залу особую торжественность. Мягкие бархатные кресла в тон дорогим занавесям так и манили к себе. В зале не было ни души. Я осторожно прошла по паркетному полу и опустилась в кресло, словно всё было для меня. «Что же это за здание? Почему в нём никого нет?» – вопросы напрашивались сами. Я прикрыла глаза. Мне показалось, что воздух движется, сгущаясь словно дым. Голубоватые вихри медленно кружились передо мной, превращаясь в женские и мужские лица, и тут же исчезали. Я открыла глаза: всё было по-прежнему. Откинувшись в кресле, я забыла о времени, мои мысли, казалось, исчезли. Я погрузилась, будто в сон и увидела, что нахожусь в каком-то золотистом куполе. Надо мной вверху зияло круглое тёмное отверстие, из которого исходило голубоватое сияние. Оно медленно опускалось и окутывало меня, придавая удивительную лёгкость телу, и постепенно таяло, растворяясь в воздухе. Затем я увидела над головой птицу с распостёртыми крыльями, которая приближалась, и её оперение отсвечивало золотом. Это был громадный орёл, который держал в своих лапах большую книгу. Опустившись ниже, он вы-

пустил её из когтей и взмыл ввысь. Перед собой я увидела тёмноволосую девушку во всём белом. Она сидела на небольшом светло-розовом диванчике в форме цветка лотоса. Казалось, она не видела меня. У неё на коленях лежала

раскрытая книга, которую принёс орёл. Из книги исходило сияние, девушка едва удерживала её.

«Может, она богиня?» – подумала я, разглядывая белые одежды.

Девушка что-то прочитала и сказала вслух:

– Нужно что-то делать. Что же делать?

Я очень удивилась. Чисто русский вопрос! Ну, конечно, нужно что-то делать!

Сверху опускалось нечто сверкающее. Наконец, я смогла рассмотреть: это было видение Будды. «Интересно, он был красивым на самом деле?» – мелькнула у меня мысль, как будто его красота имела значение. И тут же возникло другое изображение, затем ещё и ещё.

– Ты хочешь увидеть Будду? – услышала я голос.

– Да, только не в камне и не в металле, – ответила я.

И сейчас же появились изображения. Они были словно живые. Их было много. Я остановила взгляд на одном. Мне хотелось рассмотреть цвет его глаз.

– У него чёрные глаза? – спросила я, вглядываясь в лицо Будды.

– У него зелёные глаза, и он очень красив, – ответил тот же голос.

Я открыла глаза. Граница познаваемого мира и ньютоновское пространство закончились. «Вот к чему приводит любопытство, всякая ерунда мерещится», – подумала я и подошла к небольшому пристенному фонтану-себиль, чтобы освежиться. Такие фонтаны в мавританском стиле были очень модны в XIX веке. Набрав в ладони прохладную воду, я ополоснула лицо и вдруг услышала странный звук, отдающийся эхом в огромном зале. Оглянувшись, я увидела высокого мужчину. Но это был не мужчина. Это был кентавр! Невероятно, но он стоял передо мной! Я переводила взгляд снизу вверх и сверху вниз, не понимая, верить в это или нет. Его голова была увенчана золотым обручем, на котором красовался знак бесконечности, а серые глаза спокойно наблюдали за мной.

– Меня зовут Алеф. Я долго ждал тебя, – сказал он красивым мягким баритоном, который прозвучал неожиданно громко.

Я провела мокрой рукой по лицу.

– Здравствуйте, – наконец выдавила я из себя приветствие.

«Это, наверное, комната иллюзий», – едва успела подумать при этом.

Кентавр смотрел на меня, не моргая. Его мощные руки были скрещены на груди: прямо, классический кентавр Хирон.

– Да, долго я тебя ждал, – повторил он. – Ты, видимо, не веришь в себя. Людям вообще это свойственно, – кентавр опустил глаза с густыми пушистыми ресницами. – Пойдём же!

В конце зала была ещё одна дверь, куда и направился Алеф, пригласив следовать за ним. Мы вошли. Перед моим взором предстало дивное зрелище: звёздное небо, словно диорама, окружало меня. Яркие звёзды, будто увеличенные в сотни раз, сияли надо мной. Я сделала несколько шагов вперёд и тут же испуганно отшатнулась назад: я стояла на краю площадки, а внизу плескалось море и, сливаясь с небом, создавало иллюзию необъятного пространства.

– Не бойся, это стереоэффект, – Алеф поднял руку вверх и... достал звезду с неба.

Она горела зеленоватым светом и, казалось, пульсировала в руке. Алеф бережно передал её мне, внимательно следя за моей реакцией. Я подставила ладонь, и это сияющее чудо засветилось, невесомое и живое.

– Это аккумулированная энергия, она создаёт чувство гармонии. В этой лаборатории можно восстановить своё энергополе, пробыв совсем немного времени, – сказал Алеф.

– Вы проводите здесь исследования? – поинтересовалась я.

– Нет, лаборатория служит переходным коридором в другие структуры полей. Только здесь и на экваторе можно наблюдать небо одновременно обоих полушарий, – улыбнулся кентавр.

Небосвод сдвинулся, обозначив яркий Млечный Путь. Я была очарована зрелищем.

– Млечный Путь – это множество звёзд спиралевидного рукава галактики огромного диаметра. Свет пересекает галактику за сто тысяч лет. Звёзд в этой галактике более ста миллиардов, а таких галактик во Вселенной не менее пятидесяти миллиардов, и каждая из них содержит миллиарды звёзд, – Алеф смотрел на звёзды, забыв обо мне. – Галактики и их скопления расположены в пространстве в порядке, напоминающем пчелиные соты. Все галактики удерживаются гравитационным полем, образуя скопления. Они похожи на пузыри, столбы, полосы. Все галактики с огромной скоростью удаляются друг от друга. Когда-то Вселенная была очень мала. Она обладала незначительным объёмом с бесконечно большой плотностью, – голос кентавра растворялся в пространстве. – Во Вселенной всё управляемо Творцом и отрегулировано с величайшей точностью, – Алеф посмотрел на меня свысока и добавил: – Только, когда смотришь на звёзды, нужно всегда помнить, что мы видим прошлое, которому не менее миллиона земных лет. С

момента возникновения Вселенной прошло двадцать четыре миллиарда земных лет. Она почти полностью состоит из водорода, а это значит, что материя обновляется, ведь водород преобразуется в гелий и другие элементы, – Алеф пытливо посмотрел на меня, видимо, определяя, насколько я внимательна. – Солнечная система тоже входит в состав Млечного Пути. Смотри!

Кентавр указал на некую точку в молочно-белом скоплении звёзд, которая вдруг проявилась и обозначилась очень отчётливо.

– Какая красота!

Я не могла отвести взгляд. Разноцветные планеты напоминали яркие шары, едва вращающиеся в пространстве.

– Это Земля! Это наша Земля! – узнала я голубую планету.

– А это Луна! Знаешь, она меньше Земли, её диаметр составляет всего 3476 километров. Луна вращается вокруг Земли по эллиптической орбите за 27,32 солнечных су-

ток. Причём вращение Луны вокруг собственной оси происходит с тем же периодом, поэтому Луна обращена к Земле одной и той же стороной, – охотно рассказывал Алеф.

«Действительно, кентавры – прирождённые учителя», – подумала я и спросила:

– Луна ведь недалеко находится от Земли?

Алеф улыбнулся:

– На свете всё относительно. В среднем на расстоянии 384 395 километров, а температура колеблется от минус 160 ночью до плюс 160 днём. Ты разве не учила в школе? – очень серьёзно спросил кентавр. – Самое большое образование на Луне это Океан Бурь, его диаметр 1200 километров, – добавил Алеф, сомневаясь в моих познаниях. – Видишь, это Венера. Она вращается в обратную сторону по отношению к другим планетам, – Алеф указал на красивую розовую планету.

– А это Марс! – угадала я.

– Да, он в два раза меньше Земли. Один оборот вокруг Солнца эта планета совершает за два года. Продолжительность дня у него такая же, как и на Земле, – было заметно, что кентавру нравится Марс. – На Марсе чрезвычайно разреженная атмосфера и состоит в основном из углекислого газа. Там нет воды, да и температура неподходящая – от минус 139 до плюс 22 градусов, – кентавр привычно выдал все данные. – Планета очень интересная, здесь находится местность, из-

вестная как Сидония, – Алеф приблизил планету непонятным образом. – Это Ацидальская равнина – территория марсианского города. Видишь скалу в южной части?

Алеф пристально рассматривал равнину. Я увидела скалу, напоминающую изображение человеческого лица, обращённого к небу. Приоткрытый рот, словно с мольбой обращался к Вселенной, а из глаза с чётко обозначенным зрачком, вытекала слеза. Я смотрела на изображение, полная сострадания к ушедшей цивилизации.

– Посмотри, там находятся пирамиды, – сказал кентавр.

Действительно, на равнине находилось 19 пирамид, несколько дорог, большая, круглая в плане, площадь. Три дороги сходились к центру Сидонии, остальные вели к пирамидам. Центральная пирамида была раз в десять выше пирамиды Хеопса в Египте. В это трудно было поверить. Я посмотрела на кентавра. Его серые глаза с сочувствием смотрели на меня. В них обитала бесконечная мудрость.

– Созвездие, в котором таится сердце галактики, – Стрелец, – сказал кентавр многозначительно. Это созвездие насчитывает около 120 звёзд. Лишь одна из них, самая яркая, имеет собственное имя – Каус Аустралис. Она входит в число навигационных звёзд. Смотри! Стрелец расположен между созвездиями Козерога и Скорпиона, у самого горизонта по Млечному Пути. Кентавр, направ-

ляющий свою стрелу в сторону Скорпиона, – улыбнулся Алеф. – Главную достопримечательность Стрельца невозможно увидеть, так как её скрывают непрозрачные облака межзвёздной материи. Это один из самых загадочных районов нашей Галактики – её центр. Он представляет собой эллипсоидное ядро, окру-

жённое газовой оболочкой, а также туманностями Лагуны и Омеги. Альфа Стрельца – звезда Альрами, что означает по-арабски «стрелок». Моё созвездие... – задумчиво произнёс кентавр.

– Интересно, на других планетах есть жизнь? – я с надеждой смотрела на Алефа.

– В нашей Галактике миллионы солнечных систем, на планетах которых развивается жизнь. Не менее половины населённых планет более развиты, чем наша. Они представляют собой будущее нашей эволюции и опережают нас в генетическом времени – это мы в будущем. Во всех звёздных системах происходят одни и те же процессы. Жизнь на нашей планете не уникальна. Мы можем обнаружить более ранние или более поздние варианты нас самих. Наши звёздные соседи

могут быть похожи на нас, как две капли воды.

Алеф разбивал все мои надежды на исключительность нашей планеты.

– А какова цель эволюции? – задала я вопрос.

– Высший разум, – ответил кентавр. – Он достигается развитием нервной системы, повышением способности воспринимать, интегрировать и передавать всё более широкий спектр сигналов в единицу времени. Каждый новый контур нервной системы, включаясь на определённых этапах, учит нас чему-то новому. Люди ищут философский камень, приносящий мудрость, но сами не знают, что носят его с собой, – это их нервная система. С ней нужно обращаться очень осторожно, бережно и нежно. Хотя понятие «нежность» не из этого времени и не из этого мира. Сейчас человечество находится на четвёртом этапе эволюции – как раз посередине. Первые четыре этапа соответствуют коллективному сознанию, а следующие предназначены для ориентации в инфо- и гиперпространствах, где очень важную роль играет мысль, – философствовал Алеф. – Потенциал мысли велик – для неё не существует ни пространства, ни времени. Мысль аккумулируется в пространстве. Она может очищать, но может и привлечь необузданные стихии и затемнить пространство. Даже невинное слово, сказанное тобой, есть семя, брошенное во времени, которое принесёт плоды в вечности!

Кентавр грустно посмотрел на звёзды. Я молча слушала. Как часто мы произносим слова и не задумываемся над их истинным смыслом!

– Каждое желание, каждое действие изменяют будущее событие и могут даже его уничтожить. Дурное намерение порождает сущность, которая будет действовать соответственно этой идее. Её влияние простирается прежде всего на создателя, на художника, изобразившего астральную картину чего-то дурного.

Алеф говорил не спеша, словно боясь упустить что-то важное.

– А можно ли убрать эту мысль? – спросила я.

– Можно. Есть три средства: первое – сознательным волевым усилием отказаться от намерения, сосредоточив мысль на другом желании, второе – молитва как наиболее желательная форма, и третье средство – это реализационная сила уничтожения сущности магической шпагой, но это высший пилотаж, – улыбнулся кентавр. – Очищение с помощью молчания – один из заветов пифагорейской школы – тоже отличный способ. Молчание никому не вредит, вредит болтливость. Твой пытливый ум всегда искал применения, потому-то ты и пришла сюда. Совершенно не случайно. Случайностей не бывает, – опять улыбнулся Алеф. – Этот дом стоит здесь очень давно. Просто он в другом аспекте про-

странства, и поэтому невидим для людей, не готовых к восприятию более тонких энергий.

Кентавр задумчиво посмотрел на меня, а затем опять перевёл взгляд на звёзды.

– Звёзды тоже влияют на людей, на человеческие судьбы. Например, звезда Канопус приносит счастье, удачу, богатство, а звезда Зосма указывает на обладателя красивых вещей и коллекций. Только Альфард страшная звезда. Она связана с искушением, смещением добра и зла. А вот Сириус – светлая и добрая звезда. Это звезда магической защиты, – с удовольствием рассказывал Алеф.

Мне показалось, что звёзды живые и смотрят на нас с удивлением.

– У ночи тысячи глаз. На тебя смотрят не только звёзды, но и обитатели другого мира. Они всегда рядом.

Кентавр прошёлся передо мной, и его хвост развевался как от ветра. Мне он уже не казался чудом, вышедшим из мифов. Я чувствовала невидимое притяжение.

– На взаимном притяжении осуществляется принцип великого созидания. Две души, разговаривающие ни о чём, не зная того сами, говорят о вечности, – сказал кентавр, видимо, прочитав мои мысли. – Я рад нашей встрече. Запомни: прошлое – это то, что принадлежит тебе, и не нужно о нём жалеть, нужно жить в настоящем, устремляясь в будущее. В любом взоре излучается связующая

энергия. Пусть она связывает тебя с будущим. До встречи!

Кентавр улыбнулся и медленно удалился. А я долго сидела у фонтана, наблюдая за стекающей водой, капли которой растворялись в чаше вечности...

ДУМАЮЩИЙ ЦВЕТОК

В те далёкие времена Египтом правил Птолемей. Это был человек с довольно сомнительными правами на престол, который считал себя земным воплощением бога Диониса. Птолемей оправдывал прозвище «Новый Дионис», так как остаться на празднике Диониса трезвым значило нажать себе смертельного врага. Больше всего на свете любил он музыку и сам играл на различных инструментах, причём на всех одинаково плохо. Народ прозвал Птолемя Флейтистом.

Его жена, царица Трифона и его старшая дочь Береника просто отравляли ему жизнь. В сравнении с ними он был невероятно добродетельным человеком. В детстве у Птолемя был хороший учитель, и кое-что из наставлений запало ему в душу. Своих любимых младших дочерей, Клеопатру и Арсиною он решил избавить от пагубного влияния матери.

Клеопатре, не отличавшейся крепким здоровьем, придворный врач Олимп рекомендовал проводить зиму в Верхнем Египте, где небо всегда было ясно, на острове Филы. Там находился знаменитый храм богини Изиды, которую Клеопатра почитала более всех. Лето же – на морском берегу, в тенистом саду летнего дворца недалеко от Канопы.

Братья воспитывались вдали от дома на полуострове Лохиасе, под руководством Феодота, у египетских жрецов. Греки могли обучать только наукам царских детей, но об их религиозном образовании заботились египетские жрецы.

Ни один царский род на земле не мог похвалиться более изысканным жилищем. Флаги и вымпелы развевались над воротами храмов и дворцов, над триумфальными арками. Тёмно-лазурное море сияло в лучах полуденного солнца.

Архибию, сыну философа, было пятнадцать лет, когда его семью переселили в заброшенный канопский дворец. Его отцу было доверено обучение Клеопатры и Арсиной. У Архибия были сестра Хармиона и брат Стратон, отличавшийся геркулесовой силой.

К приезду царских дочерей пустой и заброшенный царский дворец был перестроен сверху донизу. Прибыли рабы и рабыни, два толстых евнуха, лошади, повозки, морем – лодки и великолепный корабль.

Уже был конец февраля, лужайки и кустарники пестрели цветами, белые и розовые

олеандры цвели вдоль аллей, а густая зелень деревьев придавала особое очарование старому саду.

Архибий взобрался на большой, благоухающий цветом сикомор перед воротами дворца, чтобы наблюдать за приездом царевен. Когда показались носилки без свиты, из них вышли разом обе царевны, и у Архибия разбежались глаза. Из передних носилок не вышла, а выпорхнула как мотылёк девочка с вьющимися светлыми волосами. Это нежное прекрасное существо казалось просто эфирным. Девочка уставилась большими голубыми глазами на родителей Архибия, вышедшим навстречу царевнам. Её звали Клеопатра.

Вторая была словно выкована из металла. Она обеими ногами выпрыгнула из вторых носилок и надменно вздёрнула головку с густыми чёрными кудрями. На её белом личике играл румянец. Девочка слегка скривила губки. Она была хороша собой. Это была Арсиноя. Архибий даже подумал, что она старшая – судя по её повелительным манерам, но вскоре понял, кому свойственно истинное величие.

Клеопатра была воплощением простоты и нежности. Ведь тот, кому суждено повелевать, должен сам научиться повиноваться. Видимо, это было врождённым качеством. Её чарующий голос и взгляд одерживали над всеми победу.

Царевны скоро подружились с Архибием, его сестрой Хармионой и братом Стратоном. Прежние учителя много говорили о дарованиях Клеопатры, этого необыкновенного ребёнка. Архибий был всегда в числе первых учеников, но даже врач царевен Олимп заметил, что ему нужно держать ухо востро, не то царевна Клеопатра обгонит в учении сына философа, так как она талантливая девочка. Он говорил о ней, как о маленькой богине. Конечно, она не была ею, потому что боги свободны от слабостей и недостатков. Но, однако, предостережение Олимпа имело основание. За что бы она ни принималась, результат получался одинаковый: Клеопатра перегоняла во всех областях знаний. Любимым её поэтом был римлянин Лукреций, который излагал учение Эпикура в стихах. Отец Архибия взялся учить Клеопатру, и уже на следующий год она читала поэму Лукреция так же легко, как и греческую книгу. Ведь Клеопатра была гречанкой чистейшей крови. Египетский она знала кое-как, но быстро освоилась и с ним. Позже, в Александрии, где было много евреев, она обучилась их языку, а затем изучила арабский. «С каждым языком, который ты изучаешь, ты обретаешь народ», — учил её философ Тимаген. Когда много лет спустя она посетила Марка Антония в Тарсе, его воины подумали, что это египетское колдовство, так как Клеопатра разговаривала с каждым военачальником на его языке.

Отец Архибия принадлежал к школе Эпикура, и ему удалось увлечь Клеопатру его учением. Эпикур проводил последние годы жизни в медитациях и оживлённых беседах с друзьями и учениками в своём афинском саду, на воротах которого была надпись «Странник, здесь тебе будет хорошо. Здесь высшее благо: веселье». Клеопатра тоже сделала такую надпись на доске и велела рабу потихоньку прикрепить её к воротам. По учению Эпикура истинное счастье в душевном спокойствии и отсутствии огорчений. Благородный и справедливый человек спокоен духом. Это учение очень подходило к чистой душе Клеопатры, с трудом переносившей любое грубое прикосновение. Ей от рождения было присуще стремление ко всему таинственному и сверхъестественному. Птолемей, отец Клеопатры, надеялся, что она любит египетский народ и его тайную науку. Он редко виделся с дочерьми, но иногда неожиданно являлся в простой одежде. Это был высокий, сильный человек с красным одутловатым лицом. Он играл с детьми под сенью старых вязов. Однажды его посещение было совсем непродолжительным. Птолемей попрощался с девочками, по его лицу текли слёзы. Из летнего дворца он в закрытых носилках отправлялся на корабль, который должен был отвезти его на Кипр, а затем в Рим. Александрийцы с царицей Трифоной принудили его оставить город и страну. Он

проклинал царицу и старшую дочь Беренику, приказывая младшим дочерям ненавидеть их и помнить его, отца. Когда он ушёл, маленькая Арсиноя сказала Клеопатре: «Мы будем их ненавидеть. Пусть погубят их боги». На что Клеопатра ответила: «Лучше постараемся быть добрее, чтобы боги любили нас и возвратили нам отца». – «Чтобы он сделал тебя царицей?» – насмешливо спросила Арсиноя. Клеопатра, которой было десять лет, выпрямилась и с достоинством ответила: «Да, я хочу быть царицей!». Архивий, слышавший этот разговор, был очень удивлён.

Вскоре царица Трифона умерла, и её преемница царевна Береника стала править страной. После изгнания отца она дважды выходила замуж. Своего первого мужа она приказала удавить, второго ей выбрали александрийцы.

Изгнание отца, смерть матери, отчуждение сестры Береники – всё это Клеопатра переносила без малейшей жалобы. Однажды отец Архивия назвал Клеопатру думающим цветком. В то время ей исполнилось четырнадцать лет, она была уже в полном расцвете своей красоты. Клеопатра действительно была как распустившийся цветок. Её глаза ясно и спокойно смотрели на мир. У неё был матовый оттенок кожи, которым Афродита наделяет своих любимцев. Когда она веселилась, на щеках появлялись ямочки, а пунцовые губы принимали чарующе-лукавое выражение. Лёгкая горбинка на носу была едва

заметна. Клеопатра была среднего роста и удивительно пропорционально сложена, очень изящна и грациозна. Когда она распускала свои светлые волосы, они пышными волнами закрывали лицо и фигуру. Она умела привлекать к себе сердца.

Птолемей, желая вернуть свой трон, привлёк на свою сторону Помпея, Цезаря и Красса. Это стоило ему миллионы. Помпей сам хотел отвезти его в Египет, но это было возложено на наместника Сирии Габиния. Царица Египта Береника, старшая дочь Птолемея, не намеревалась отдавать власть. Габиний вернул Птолемея в Александрию и восстановил его власть. Во время похода с римским войском и вспомогательным отрядом иудейского этнарха, общее внимание привлёк начальник всадников Марк Антоний. Он успешно провёл войско через пустыню между Сирией и египетской Дельтой, не потеряв ни одного человека. И в битве за Александрию, за трон Птолемея, именно он победил в сражении. Его имя сделалось известным, и обе царевны не уставали о нём расспрашивать. Говорили, что он знатнейший из знатных, храбрейший из храбрых, беспутнейший из беспутных и красивейший из красивых римлян. Его образ жизни служил темой бесконечных разговоров в римском обществе. Род Марка Антония шёл по прямой линии от Геркулеса. Да и его наружность напоминала предка.

Царь предупредил через скорохода дочерей о своём прибытии. Были наскоро собраны букеты для встречи царя. Птолемей вышел из походной колесницы, запряжённой восьмёркой белых мидийских коней. Его лицо сияло при виде дочерей. Они были хороши. Он не сводил глаз со своей любимицы Клеопатры.

Антоний подъехал к колеснице и с небрежной учтивостью поклонился царевнам. На его вопрос, заслужил ли он благодарность царевен тем, что так скоро вернул их отцу престол, Клеопатра ответила на латыни, что как дочь, рада и признательна полководцу, а как египтянка она не знает, что ему ответить. И тогда Антоний взглянул на неё пристальнее. Он соскочил с коня, бросив поводья придворному, и вступил в разговор с Клеопатрой. Она остротами отражала замечания Антония, оставаясь спокойной. Арсиноя подошла к сестре ближе, но видя, что римлянин упорно не обращает на неё внимания, вспыхнув, закусила губку. Когда царь, державший в руках оба букета, подал знак к отъезду, Антоний взял у него букет, сказав громким голосом: «Зачем столько цветов тому, кто называет дочерью такой цветок?» Он протянул букет Клеопатре, приложив руку к сердцу и сказал, что надеется увидеть её в Александрии. Вскочил на лошадь, обернулся и поклонился ей. Арсиноя с этого дня возненавидела Клеопатру.

Царь был в восторге от своей дочери и сообщил, что через день возьмёт девочек в Александрию, а летний дворец немедленно подарит отцу Архибия в знак благодарности. Он исполнил своё обещание.

День, когда царевны покинули летний дворец, был последним днём их детства. В Клеопатре произошла большая перемена: стремление к душевному спокойствию исчезло. Когда ей надоедали шумные празднества, никогда не прекращавшиеся во дворце, она являлась вновь в летний дворец и проводила там по нескольку дней. Арсиноя никогда не сопровождала её, постоянно увлекаясь каким-нибудь офицером. Сёстры жили отдельно, и Арсиноя не единожды открыто выражала свою нелюбовь к сестре, распространяя сплетни о её любовных приключениях. Подобных историй у Клеопатры не было. Иногда Клеопатра занималась таинственной наукой египтян. Её светлый ум позволял ей вступать в философские диспуты с представителями различных школ, но, тем не менее, она усердно занималась и государственными делами. Всё, что происходило в Риме, было ей известно. Клеопатра следила за успехами Антония, ведь ему первому она подарила свою страсть. Клеопатра ожидала от него великих подвигов, но его дальнейшее поведение не оправдало надежд. В её отзывах о нём чувствовалось презрение, но всё-таки Клеопатра не могла оставаться к нему равнодуш-

ной. Она часто прибегала к магии, чтобы узнать его будущее. Ей было известно, что Юлий Цезарь не прочь сделать Египет римской провинцией. Она с величайшим воодушевлением отзывалась о нём и надеялась, что он станет властителем мира, хотя ей приятнее было бы видеть на его месте Антония.

Опекун и воспитатель братьев, ещё не вышедших из детского возраста, Феодот, умный, но бессовестный человек, вместе с начальником войск Ахиллом надеялись возвести на престол Диониса, старшего сына царя, но Птолемей назначил своей преемницей Клеопатру, правда, с тем условием, чтобы Дионис разделял с ней власть в качестве супруга. Это вызвало недовольство в Риме, хотя вполне согласовывалось со старинными обычаями египтян.

Птолемей умер. Цезарь признал завещание царя Птолемея, и Клеопатра стала царицей и супругой десятилетнего Диониса, к которому даже не питала родственной привязанности. Сестра Арсиноя и младший брат получили Кипр, но остались под опекой Рима. Они теряли власть и решили сопротивляться. Клеопатре пришлось бежать. Цезарь явился в Александрию с незначительными силами и никогда не был так близок к гибели, как в этот раз. Но никогда ещё его военный гений не проявлялся столь блестяще.

Клеопатре необходимо было проникнуть в город и увидеться с Цезарем. Брат Архибия Стратон, участвовавший в олимпийских иг-

рах, принёс Клеопатру во дворец в сирийском ковре. Она встретила с Цезарем. Ему было пятьдесят четыре года, Клеопатре семнадцать лет. Высшее мужество встретилось с совершенством женственности, как сказал бы поэт. Два окрылённых духа устремились друг к другу. Дух одного узнавал себя в другом. Но Цезарь требовал большего. Её ум доставлял ему наслаждение. Он пробыл в Александрии девять месяцев, из которых три месяца подарил своей возлюбленной. Архивий никогда не видел её такой счастливой, хотя опасности окружали со всех сторон. Молодой царь, узнав, что Клеопатра проникла во дворец, в ярости выбежал на улицу, сорвал с головы диадему и разбил её, крича, что его предали. Начались сражения и на суше, и на море. Тогда-то и сгорела часть Александрийской библиотеки.

Клеопатра родила сына. Правильное, но бледное лицо Цезариона как две капли воды напоминало черты его отца, великого Цезаря.

Арсиноя распустила слух, что Клеопатра хочет передать Египет Помпею. Клеопатра считала его скорее счастливым, чем великим. Только счастье, как известно, так обманчиво, оно делает людей доверчивыми. Помпею было пятьдесят восемь лет. Его заколол кинжалом начальник войска Ахилл, его друг, по приказу Цезаря. Но отмщение не заставило себя ждать. Спустя некоторое время такая же участь ждала и самого Цезаря. В Риме его заколол кинжалом Туриллий.

Для Клеопатры началось тяжёлое время. Её жизнь превратилась в борьбу со злыми интригами, исходившими от её сестры Арсиной во главе с евнухом Ганимедом, опытным и умным полководцем. Но за Клеопатру стояли александрийцы и большинство знатных македонян: юношей, которые пошли бы за неё на смерть. Несмотря на юный возраст, она не хуже мужчины умела разрушать козни врагов. Хармиона, сестра Архибия, поступила к ней в услужение и стала верной помощницей. Она была молода и хороша собой, но отказалась от благородного человека, не желая покидать царицу. Клеопатра действительно умела привлекать сердца: раз увидев её, никто не хотел с ней расставаться.

Цезарион ежедневно отправлялся в храм Цезаря, окружённый мимозами и сикоморами, и проводил там долгие часы.

Клеопатра и Марк Антоний снова встретились. Они словно были созданы друг для друга. Даже даты их рождений отличались всего в несколько дней: вначале у Клеопатры, затем у Антония, хотя годами он был старше её. Она любила его со всем пылом страсти, и он принёс к ногам своей «Царицы Востока» себя самого, свою любовь и могущество Рима. Мир с удивлением взирал на смертную женщину, сумевшую превратить их любовь в праздник богов. Да и сам Марк Антоний, потомок Геркулеса, и лицом, и станом похож был скорее на бога, чем на человека.

Антоний вспоминал о трёх женщинах: Фульвия была его первой женой – пылкая, как ураган, она научила его ценить могущество женщины. Октавия – вторая жена могла вывести на правильный путь, где он мог быть приятен как богам, так и смертным. Он не остался с ней – ему трудно было научиться умеренности, она была чужда его натуре! Октавия воспитывала и лелеяла детей неверного мужа от первого брака его с Фульвией: это почти нечеловеческое великодушие. Она была очень хороша собой, её прекрасное благородное лицо являло зеркало женской непорочности. Антоний согласился предложить руку Октавии, только что потерявшей мужа, для заключения союза с её братом Октавианом. Это была борьба за владычество над миром, нужно было избавить государство от кровопролития. Он предложил руку, но не сердце, потому что сердце его уже принадлежало царице Египта. Римские матроны, курящие фимиам перед Октавией, отворачивались, когда речь заходила о Клеопатре. Они считали Октавию законной женой, а Клеопатру – разлучницей, похитившей у неё сердце мужа.

Антоний и Клеопатра страстно любили друг друга. Он называл Клеопатру роскошным пиром и видел в ней царицу веселья.

Клеопатра родила Марку Антонию троих детей: близнецов Гелиоса с чёрными кудрями как у отца и белокурую. Селену. Младший, Александр, был самым любимым ребёнком.

Любовь для Клеопатры была светом её жизни. Её любили так много потому, что она сама явилась на свет, исполненная любви, расточая её, как солнце. Пылкая страсть Антония, охватившая его в зрелые годы, принадлежала всецело Клеопатре. Его, чьё впечатлительное сердце и страстная натура принадлежали сегодня одной, завтра другой женщине, царица сумела привязать к себе какими-то сверхъестественными узами. Волшебная сила красоты – тоже дар богов, и ею Клеопатра покорила сердце Марка Антония. Но она была земной женщиной...

Верховный жрец Анубис и глава всей духовной иерархии в стране, восьмидесятилетний старец, в трудные минуты давал Клеопатре полезные советы, но однажды она явилась к нему за волшебным кубком. Царь Нектанеб выковал этот кубок для египтян на острове Филы. Кубок из храма Изиды считался драгоценным сокровищем и обладал чудодейственной силой. На этот удивитель-

ный сосуд Клеопатре указали в числе сокровищ храма и объяснили, что каждый, кто заставит другого поглядеться в его гладкое как зеркало дно, подчинит его своей воле. Однако жрец не хотел выдать ей сосуд, уверяя, что кубок принесёт ей несчастье, но Клеопатре показалось, что беззаветная преданность и пылкая любовь Антония начали ослабевать.

Сила кубка оказалась действительно чудодейственной, ведь когда флот Клеопатры потерпел поражение и она, спасаясь, покинула его, Марк Антоний, бросив всё на произвол судьбы, пустился вслед за ней. Он не мог жить без неё, его любовь была безграничной.

Александрийцы ожидали возвращения Антония и Клеопатры. Все были уверены в победе над Октавианом. Город ликовал. У входа во дворец были воздвигнуты триумфальные арки, наскоро украшенные гипсовыми статуями и гирляндами цветов. В Царскую гавань никого не впускали. Этот красивый залив в форме полумесяца был ярко освещён факелами и фонарями. Торжественные приготовления начались ночью.

Архибий вышел на набережную. Ветер усиливался. Полная луна озаряла море. Ему принесла табличку его племянница Ира, которая прислуживала Клеопатре.

Письмо было от Клеопатры. Она сообщила о поражении: египетский флот был разбит у Акциума, а Антоний и Клеопатра бежали к Тенару. Это известие было как гром среди ясного неба. Этот широкоплечий человек

мощного сложения излучал всегда спокойствие. Его серые глаза внимательно наблюдали, как другие возвышаются и падают в погоне за успехом. Клеопатра всегда отличала его за это достоинство, он вырос с Клеопатрой, любил её, – простой смертный может любить царицу только как божество. Но теперь он был взволнован.

Все ожидали прибытие первого корабля: ведь считали победу Антония над Октавианом несомненной. Служанка Ира сообщила о

ласточках на «Антонии», адмиралтейском корабле Клеопатры, которые заклевали своих птенцов. Это было дурное предзнаменование. Все затихли. На вершине маяка светился яркий огонь. Длинные языки пламени колебались на ветру и отражались в волнах, то вспыхивая, то погасая. Слышался только вой ветра. Тут же пришла весть о ещё одном зловещем знамении. Цветущий город Пизаура погрузился в море. Этот город принадлежал Антонию, который его основал. В Афинах из

огромного барельефа, изображающего битву гигантов, ураган вырвал одну из фигур. Это была фигура Диониса, образ которого олицетворял собой Антоний. Видимо, природа хотела показать недалёковидным людям своё могущество.

Красный сигнал на башне Фароса возвестил о прибытии царского корабля. Он прошёл мимо маяка в гавань. Громадный остов корабля неслышно, точно призрак, приближался к берегу. Несколько фонарей слабо освещали палубу. Корабль стал на якорь и на мостике появились жрецы из храма Изиды, нёсшие кубки из сокровищницы. Затем появилась царица. Её лицо было закрыто вуалью. Она шла, высоко подняв голову.

Архибий узнал, что Октавиан считает сына Цезаря опасным из-за поразительного сходства с отцом, поэтому решил предать его смерти. Антилл, старший сын Антония от первой жены Фульвии отправился в Азию, чтобы умиловить Октавиана: ведь он был обручён с его дочерью Юлией.

Клеопатра потеряла всякую надежду на примирение с Октавианом. Она поняла смысл его намёков: ей нужно было устранить Марка Антония. Конечно, для женщины труднее всего пожертвовать своей любовью. Престол и счастье Египта были достойны больших жертв...

Клеопатра считала, что волшебная сила кубка заставила Марка Антония оставить битву и последовать за ней. Но его любовь

заклучалась в словах завещания: «Где бы он ни умер, – он просит похоронить его рядом с Клеопатрой».

Царица приказала воздвигнуть гробницу для неё и Антония. Она сама с архитектором Горгием обсуждала каждый рисунок на саркофаге. Строились кельи для её сокровищ: золота, серебра, жемчуга, драгоценных камней, слоновой кости и пряностей.

Не желая быть узнанной, она закуталась в покрывало и отправилась в храм.

Храм Изиды находился в одном из красивейших уголков квартала, застроенного дворцами и великолепными храмами. Здесь же находился форум, где македоняне собирались на совет. С восточной стороны храма располагался дом с большим садом, перед воротами которого стояли мраморные статуи. Этот дом принадлежал престарелому почтенному учёному и скульптору Дидиму. Он работал над статуей Клеопатры и Антония. Это место называлось уголком муз. Его внучка, Барина, белокурая молодая женщина, пела на празднике Диониса и была очень хороша собой. Её отец Леонакс был известным живописцем. В этом доме собирались все сколько-нибудь значительные мужчины Александрии: художники, скульпторы, поэты. Живопись Леонакса и пение Барины привлекали в этот дом многих. Высокие платаны, сикоморы и мимозы окружали уют старого учёного.

Клеопатра знала, что её сын Цезарион влюблён в Барину, но не это её тревожило.

Однажды, когда Клеопатра с Марком Антонием на празднике Диониса подошли к Барине поблагодарить за пение, Клеопатра увидела на руке Барины браслет. Этот браслет был дубликатом того, что Антоний подарил Клеопатре. Антонию льстила репутация самого щедрого. Его подарок, гладкий браслет с геммой, на которой был вырезан Аполлон, играющий на лире и окружённый музами, хотя и выглядел очень скромно, но был баснословно дорогим. Это было произведение знаменитого резчика эпохи Филадельфа: каждая фигурка на ониксе шириной не более пяти сантиметров, была вырезана с изумительным мастерством. Оценить подобную вещь мог только знаток. Но то, что Антоний уравнивал одинаковым подарком Клеопатру и дочь живописца, оскорбляло царицу. У Барины было только одно преимущество – молодость. Она была заморожена Клеопатрой, ей хотелось прикоснуться губами к краю платья царицы, но глаза Клеопатры уже смотрели на Барину, как две змеи. Барина поняла, что в Клеопатре говорит ревность. Необдуманный поступок, этот подарок Антония, всё испортил.

«Ты думаешь, что моя душа свободна от ревности и слабостей? Ты ошибаешься. Я женщина и желаю быть и оставаться женщиной. И мне ничто женское не чуждо. Я была женщиной, прежде чем стать царицей. Я дорожу своей женственностью не меньше, чем короной! – в сердцах говорила она Ире. – Ты

думаешь, что счастьем можно распоряжаться так же, как и богатством?» – взволнованно продолжала Клеопатра. Служанка с удивлением смотрела на неё: в Клеопатре действительно говорила оскорблённая женщина. Ира была младше Клеопатры на двенадцать лет. Она обожествляла царицу, но, замечая на лице Клеопатры появляющиеся морщинки, испытывала всё же некоторое удовлетворение. Она была умна и предана Клеопатре. Ира всячески оберегала покой царицы.

День был жаркий. Роскошная лестница вела внутрь храма. Клеопатра вошла в храм и потребовала, чтобы священный кубок, этот роковой сосуд, был уничтожен на её глазах. Верховный жрец и сам тревожился от губительных последствий, которые могли повлечь за собой переход этого волшебного кубка в руки Октавиана, если он захватит город и страну. Жрец велел разжечь огонь и расплавить кубок на глазах у Клеопатры. Он старался убедить царицу, что она не нуждается в помощи волшебного кубка Изиды. Ревность, омрачавшая её счастливую любовь, казалось, исчезла навсегда.

Марк Антоний возвращался в Александрию.

Вся Александрия собралась приветствовать императора. Процессия подходила к высоким воротам по Царской улице к дворцу. Марк Антоний, этот седой великан, стоял трёх юношей. Он возвышался, сидя на золотых носилках, которые несли на плечах две-

надцать нубийцев, и величественно приветствовал ликующую толпу. За ним следовали два слона, между которыми простиралось пурпурное покрывало, музыканты, телохранители, слуги и прочая свита.

Клеопатра вышла его приветствовать. Антоний поднялся с трона, сделал знак погонщикам слонов, покрывало упало, и взорам изумлённых александрийцев предстал огромный букет. Этот исполинский букет был составлен из красных роз, окаймлённых белыми и листьями папоротника. Его подарок был точной копией небольшого букета, поднесённого когда-то им Клеопатре у ворот эпикурейского сада.

Антоний подошёл к крыльцу, возвышаясь над толпой своим гигантским ростом. Шафрановая мантия, расшитая золотом, развеялась от лёгкого ветерка, а бронзовые от загара руки он протягивал к своей возлюбленной. Печать благородства и величия лежала на его прекрасном лице. Трогательная нежность светилась в его больших глазах. Прижав руку к сердцу, с низким поклоном он подошёл к царице. Антоний преклонил одно колено, указав на букет, который трое рабов подносили к царице.

В один миг помолодевшая, Клеопатра забыла своё царское достоинство, забыла о тысячах глаз, устремлённых на неё. Она прильнула к его могучей груди. А он, с лучезарной улыбкой, поднял её своими мощными рука-

ми, целовал её глаза и губы, словно желая показать своё счастье всему миру. Антоний поднял Клеопатру на руках, а потом бережно опустил, как хрупкую драгоценность.

Старые станы дворца ещё не слышали такого оглушительного торжественного клика ликующей толпы.

В Александрии наступила пора безудержного веселья. На роскошных судах, украшенных позолоченной резьбой, молодые рабыни с распущенными волосами, в лёгких одеждах, изображали nereид. На палубе, обвитой гирляндами, пировали именитые граждане. В празднике участвовала вся Александрия. Это был последний пир, ведь Антоний по-прежнему видел в Клеопатре царицу веселья. Он желал одного: осушить с ней последний кубок наслаждения, пока ещё было время.

Боги подарили этим необыкновенным смертным божественную любовь. Счастливейшая из женщин! Никто ещё не был любим так пламенно! Если о Трое рассказывают, что она претерпела великие бедствия из-за женщины, то ещё более будут прославлять ту, чьё имя заставило величайшего из героев оттолкнуть как ничтожный сор славу и надежду владычествовать над миром!..

ОТНОСЯЩАЯСЯ К НЕБУ

*Там среди звёзд жила душа моя
И вот теперь, попав в Земли обитель,
Всё лучшее в себе храня,
Несёт огонь, как вечный небожитель.*

Стояла душная августовская ночь. Полная луна, заглядывая в окно, освещала тёмную комнату. Только иногда тишину нарушало пение цикад. В эту ночь не спалось, и хотелось дожидаться предрассветной прохлады. Все двери и окна были открыты настежь. Казалось, что воздух стал густым. Вдруг в проёме двери мелькнула лёгкая тень, и возник образ женщины. Лицо её прикрывало белое прозрачное покрывало, а на смуглых руках блестели золотые браслеты. Она молча оста-

новилась у входа. Я разглядывала незнакомку, не зная: верить ли собственным глазам. Она не была похожа на привидение. Она была живая! Из-под тонкой ткани виднелся высокий головной убор, в котором угадывался знак солнца. В руке незнакомка держала анх* – символ вечной жизни. Это была Исида! «Привет тебе, любимица богов, голубоглазая Исида!» – промелькнуло в моей голове. В Древнем Египте она считалась богиней мудрости и предсказательства. Несколько секунд Исида смотрела на меня, затем царственным движением руки сделала знак следовать за ней. Я повиновалась, не испытывая никакого страха. Исида прошла по коридору и остановилась у стены, на которой было её изображение: его я нарисовала несколько лет назад. Она ждала. Я покорно шла за ней. Её окружало благоухание. Молча взяв меня за руку, богиня вошла в своё изображение, увлекая за собой.

На секунду стало темно. Миг, и пространство искривилось. Мне стало страшно. Я даже не поняла, что произошло. Казалось, какой-то невидимый поток несёт в этом движущемся и меняющемся пространстве. Это было, как прорыв в сознании, соматический переход. Словно тело, освобождённое от зем-

* Анх (ankh) – Жезл, хемитский символ жизни, используется в качестве словоформы для ключей, открывающих двери или врата, переводится, также и как «вода» – ключ к жизни.

ных импринтов,* от гравитационных и территориальных ограничений, стало свободным. Открыв глаза, я чуть не ослепла от яркого света. Рядом стояла Исида. Гордо подняв голову, она устремила свой взор куда-то вдаль.

Перед нами лежал неизвестный мне город. Первые лучи солнца освещали его мощёные улицы. Исида повернула ко мне лицо и слегка улыбнувшись, произнесла: «Это Та-Мери – любимая земля, так мой народ называет Египет».

Я давно мечтала побывать в этой стране, даже мои любимые духи назывались «Каир», но сейчас была в полной растерянности. «Пойдём», – сказала богиня и шагнула вперёд. На её ногах блестели плетёные из тростника сандалии, украшенные золотыми розетками. Глянув на свои ноги, я увидела, что стою в розовых домашних шлёпанцах и длинной батистовой сорочке. Но это меня почему-то нисколько не смутило.

Несмотря на ранний час, город уже не спал. По улицам шли люди, одетые в галабеи,* город наполнялся звуками и оживал. Взору моему предстали огромные храмы, дворцы с парками. Вереницы узких улочек сплетались между собой. «Город Мемфис, первая столица этой страны. Сейчас он называется Каир», – сказала Исида, обведя взглядом площадь, на которой мы находились. –

* Импринт – обусловленность поведения подсознания.

* Галабея – верхняя одежда древних египтян.

Его основал царь Менес. Он построил крепость и храм бога Птаха – указала богиня на величественный храм с золотой крышей. – В этом месте когда-то стоял древний и священный город Он, который потом назвали Гелиополем – городом Солнца. Он был древнее, чем самая древнейшая пирамида. В нём находился священный источник Солнца, олицетворявший первозданный поток, – произнесла богиня. – Затем древний Вавилон, Фивы – город ста ворот», – вздохнула она и её голубые глаза погрузнели. Исида замолчала, видно, вспоминая другие времена. Невдалеке возвышался храм, и Исида направилась к нему.

Монументальность этого сооружения впечатляла. Казалось, он давил своей мощью. Шестнадцать квадратных колонн, отшлифованных до блеска, с капителями в виде пальмовых ветвей, словно устремлялись к небу. По обе стороны портала росли раскидистые сикоморы, издающие благоухание и отбрасывающие тень на огромные статуи с головами животных. Египтяне создали тысячи богов, но в Оне было идеальное девятибожие. Во главе находился бог Солнца и творец всего сущего Атум, а самыми значительными были Осирис, Исида и сын их, Гор.

К храму вели аллеи тамарисков. Ветви сандаловых деревьев обвивали змеи, дремлющие в тени листвы. Двор храма был мощён базальтовыми плитами. Массивные двери из дорогого дерева украшала инкрустация.

– «Наверное, ливанский кедр», – подумала я с видом знатока. Мы вошли в храм. Огромное пространство смутило меня. Простота и роскошь храма удивительно органично сочетались. Стены, покрытые голубой глазурью, светились, а с рельефов колонн смотрели сверкающие золотом чудовища. Видимо, это были знаменитые нильские бегемоты. Столбцы иероглифов золотились в сумеречном свете. Посередине храма блестел нарисованный бассейн с цветущими лотосами, в котором,

как в зеркале, отражался потолок, усеянный золотыми звёздами. На возвышении стояла большая золотая статуя женщины с ребёнком, в ней я тотчас узнала Исиду. – «Это её храм», – поняла я и успокоилась. Богиня взошла

на возвышение напротив небольшого жертвенника. – «Сусанна!» – позвала она. Откуда-то появилась женщина с набелённым лицом. Её чёрные волосы, перехваченные голубой лентой и украшенные жемчугом, отливали синевой. Она склонила голову, соединив руки в намастэ.* – «Очевидно, жрица», – подумала я, наблюдая. Мою прабабушку тоже

* Намастэ – знак приветствия сложенными ладонями.

звали Сусанной, и что-то ностальгическое отозвалось в моей душе. Через минуту жрица принесла горящий факел и зажгла на жертвеннике огонь. Затем подала богине лотос на длинном стебле и симпатичную трость с золотыми подвесками. Жрица застыла, устремив взор в бесконечность.

«Я Исида, владычица всякой земли...» – услышала я, и холодок прошёл у меня по спине. Время и пространство перестали существовать. – «Я изобрела письмо священное иероглифическое. Я положила людям Закон, и что я положила, никто не может изменить. Я та, что восходит в созвездии Пса. Я указала пути звёздам. Я сокрушила власть тиранов. Я положила конец людоедству. Я сделала справедливость ценнее золота. Я установила наказание для родителей, не знающих любви. Я сделала необходимым, чтобы мужья любили жён. Я распоряжаюсь дождём. Я побеждаю судьбу...» – продолжала богиня.

Я стояла, не двигаясь, переводя взгляд с неё на жрицу, стоявшую так же неподвижно, и немигающим взором смотрящую в никуда. Она, казалось, не замечала меня. А может быть, богиня применила одну из сиддх,^{*} чтобы я была невидимой? Исида закончила речь. Жрица погасила огонь на жертвеннике и удалилась. Богиня сошла с пьедестала и направилась к выходу, сделав знак следовать за

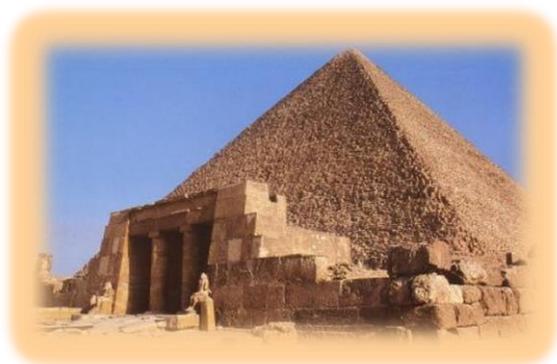
* Сиддхи – сверхвозможности, способность улавливать тонкие энергии и трансформировать их.

ней. Когда мы вышли из храма, яркое солнце ослепило нас, и вдруг я увидела пирамиды, совсем близко. У меня перехватило дыхание. Они были настоящие! Их отшлифованная поверхность блестела на солнце и казалась зеркальной. Над головой простирался свод синего египетского неба, словно само время затаило дыхание. – «Это же было три с половиной тысячи лет назад!» – вдруг подумала я. Но всё происходило здесь и сейчас.

Дорога к пирамидам начиналась отсюда. Исида шла впереди и я еле попевала за ней. Чем ближе мы подходили, тем пирамиды становились огромней и величественней. Богиня приостановилась. Она смотрела на меня своими голубыми глазами, такими же, как небо. – «Эту пирамиду построил царь Джосер, это самая первая пирамида. Благодаря этой пирамиде, он навсегда останется в памяти человечества».

Пирамида, сложенная из огромных камней, вызвала изумление. Самой большой была пирамида Хуфу, стоящая недалеко. Её окружала высокая стена. Полутораметровые блоки жёлтого цвета напоминали лестницу, ведущую в небо, словно она рассчитана на великанов. Пирамида была очень высокой, не менее ста пятидесяти метров, и занимала площадь в несколько гектаров. Это было удивительное зрелище. На стеле пирамиды я увидела надпись, сделанную зелёно-синими иероглифами. Заметив мой взгляд, Исида произнесла: – «Относящийся к небу –

Хуфу», так звали Хеопса». Рядом находилось скульптурное изображение из тёмно-зелёного камня фараона, восседающего на троне. Богиня покровительственно прикоснулась к нему, погладив рукой, и мне показалось, что его голова, покрытая платком с уреем* на лбу, дрогнула. Позади фараона был изображён бог Гор с головой сокола, и опять мне померещилось, что и он шевельнулся. Очевидно, пирамида Хеопса обладала очень мощной энергетикой.

Третья пирамида оказалась самой небольшой. Она была облицована красным гранитом и называлась пирамидой Менкаура. Мне она понравилась больше всех. На вершинах пирамид находился гранитный «пирамидон», его стороны ловили первые и по-

* Урей – символ власти в виде змеи, свернувшейся кольцом и с поднятой головой. Уреем украшали корону или надевали на платок голубого цвета, подчёркивающий небесное происхождение.

следние лучи солнца. Казалось, что пирамиды связаны друг с другом и между ними происходит обмен энергиями, как между людьми. Видимо, это та культура, которая могла трансформировать энергию, а пирамиды являлись древним календарём, по которому длительность года вычислялась так же точно, как при помощи обсерватории с телескопами. И ещё, наверное, много чем...

Среди поля пирамид находилась статуя Сфинкса. Египтяне называли её шесеп-анх – «живой образ» бога, мощь которого символизировало тело льва – царя пустыни. Казалось, что Сфинкс стерёг пирамиды и презрительно усмехался. Может, потому, что его лицо было очень похоже на женское? О нём ходило столько легенд! Даже знаменитый Эдгар Кейси* утверждал, что на правом плече Сфинкса существует вход в Залы Хроник, которые располагаются под скульптурой. Это хранилище информации об истории Земли, и содержит оно не только физические объекты, но и информацию на многих пространственных уровнях в виде золотой сферы – капсулы времени. Ведь американские учёные из НАСА обнаружили подобный комплекс сооружений на Марсе, повторяющий египетские: и пирамиды, и Сфинкса. Говорят, что на Марсе жизнь процветает на уровне четвёртого измерения, и эта прекрасная планета

* Эдгар Кейси – учёный, эзотерик XX столетия, занимался изучением Древнего Египта и Атлантиды.

населена расой хаторов – самой развитой и мудрой в солнечной системе. Что они намного превосходят в развитии людей и достигают пятиметрового роста. Их знание построено на звуковых потоках, представляющих собой свет и чистую любовь, и что они долгое время работали с египтянами. Вдруг это всё правда? Я побоялась спросить об этом Исиду.

– Ты, наверное, хочешь увидеть ритуалы?
– спросила богиня, внимательно посмотрев на меня.

Я сразу вспомнила о том, что читала о мумифицировании тел. Этот странный обряд пугал, при котором внутренности вырезали и складывали в отдельные сосуды – канопы, а тело наполняли растёртой миррой и разными благовониями. Затем его погружали на 70 дней в натровый щёлок и после обвивали лентой.

– Нет, нет, – пролепетала я.

Богиня усмехнулась. – Я могу показать тебе обряд жертвоприношения в храме бога Птаха. В Мемфисе поклоняются священным быкам, – предложила Исида, видимо, желая меня развлечь и удивить.

Быков содержали в священном хлеву прямо в главном храме. Бык-Апис, которого египтяне называли Хап, должен был быть чёрным с белым пятном на лбу. На хребте у него должно быть пятно, напоминающее орла, и ещё много «признаков пригодности». Потом его тоже бальзамировали, но смотреть, как быка убивают, мне не хотелось. Это зре-

лице не для слабонервных современных людей. Я деликатно отказалась. Исида очень удивилась, так как это был самый богатый и торжественный ритуал.

– Но что бы ты хотела увидеть ещё? – голубые глаза богини в упор смотрели на меня.

– Правда ли, что Нефертити была очень красива? – спросила неожиданно я.

– Да, дочь царя Митании, эта азиатская принцесса Тадукипа, действительно красивая женщина. Имя Нефертити принцесса взяла уже в Египте. Оно означает «Красивейшая из женщин идёт», – улыбаясь, ответила Исида, одновременно делая рукой непонятный знак в воздухе. Видимо, это была ещё одна из сидх, которыми пользовалась богиня. И я увидела, возникшую вдруг ниоткуда, молодую женщину в белом тончайшем одеянии, которое подчёркивало её фигуру. Тадукипа шла в нашу сторону. Она была маленького роста, стройная, с миндалевидными глазами. Красивые, хорошо очерченные губы чуть улыбались. Высокая синяя корона, украшенная золотом и драгоценными камнями, скрывала её волосы и говорила о царском происхождении: синий цвет – это цвет богов. Глубокий вырез одеяния был так же украшен золотом. Двигалась принцесса очень грациозно, но она была бледна! Я не могла отвести взгляд. Вдруг Нефертити замерла на месте, словно застывшее изображение. Казалось, мир замер на миг. Я посмотрела на богиню.

– Светлый цвет кожи говорит о том, что принцесса происхождения с севера и из царской семьи. Только царь может себе позволить не выпускать дочь под палящие лучи солнца всю её жизнь, – объяснила Исида.

Видимо, эта элитарная бледность была критерием красоты. Сделав соответствующий знак в воздухе, богиня «убрала» изображение.

– Пойдём, я покажу тебе самую длинную реку на Земле. Её зовут Итеру, что означает «река», она течёт только в пределах Египта.

«Это, наверное, свыше тысячи километров», – подсчитала я в уме. Сейчас я увижу Нил!

– Каждый год Итеру выходит из берегов и затопляет всё вокруг, чтобы напоить землю. Белая и Голубая река в «ночь вод», разливаясь, поднимается до шести локтей. И если разлив проходит без разрушений, то год ожидается счастливым, – сказала Исида и улыбнулась.

«Шесть локтей, – значит, метра три», – продолжала я свои подсчёты.

Город оказался окружённым десятком пирамид из белого и розового камня. Рядом находились огромные храмовые сооружения с колоннами и гробницы богатых сановников.

– Правители почти всех династий строили пирамиды, но самым добродетельным и счастливым из правителей был Сорис, который построил две пирамиды, – сказала Исида, опуская на лицо покрывало из тончайшего льна. Она протянула мне неизвестно отку-

да взявшийся в её руке золотистый платок. – Ветер начинается.

На западе лежала пустыня, покрытая сетью блестящих на солнце, выложенных гранитными плитами, дорог. Они соединяли храмы. Серовато-жёлтые пирамиды вдали под горячим небом казались миражом. Финиковые пальмы, слегка шелестевшие от ветра, завершали этот необычный для меня пейзаж. Ветер – хамсин усиливался, неся с собой грязный песок. Мы закрыли лица, оставив только глаза, и продолжали путь. Ладья Солнца уже была над священной Долиной Царей. Красная гранитная лестница вела прямо к берегу Нила. Вдоль неё стояли дома богатых людей, с цветущими палисадниками и зреющим виноградом. В гавани теснилось множество судов, а из лабиринта узких улочек неслись запахи жареного мяса и гнилой рыбы. На другом берегу реки можно было разглядеть красивый дворец.

– «Дом радостных праздников!» – так называют дворец Малькаты, – промолвила Исида, заметив мой взгляд.

По лестнице мы спустились к Нилу. Бирюзовая, как я её себе представляла, река была оливково-коричневого цвета. Мне показалось, что она кишела рыбой и крокодилами.

– Голубой и Белый Нил только к декабрю восстанавливают свой первоначальный уровень и цвет. Первая волна начинается с Голубой реки, и в «ночь вод» достигает горо-

да, – с любовью глядя на реку, сказала богиня.

«Ночь вод» приходилась с 17 на 18 июня, и я очень обрадовалась, что уже был август. И тем не менее, река и вправду впечатляла. Шириной примерно в километр, она заставляла волноваться сердце. Заросли шелестящего папируса и прекрасного лотоса украшали её берега. Бесчисленные стаи фламинго и пеликанов казались ручными. Мы спустились к воде, где у причала стояло несколько довольно больших папирусных лодок.

– Посетим дворец Малькаты, – улыбнулась голубоглазая богиня.

Четверо полуобнажённых гребцов взмахнули вёслами, и мы отчалили от берега. «Прямо, как путешествие Тура Хейердала», – подумала я, усаживаясь на всякий случай подальше от края лодки. Посередине реки был остров с высоченной башней, но внимание моё было приковано к бурым водам реки, так как мне всё время мерещились крокодилы. Наконец мы добрались до другого берега, и дворец предстал во всей красе. Строение из белого известняка, покрытое золотыми пластинами, сверкало на солнце. Бесчисленные статуи говорили о богатстве. К дворцу вела выложенная плитами дорога, широкая, как взлётная полоса. Шесть огромных каменных шакалов сторожили дворец. Он был увит виноградом, который считался деревом судьбы, а вокруг росли священные персиковые деревья. Мы вошли. Пол, покрытый серебром,

напоминал зеркало, на котором был изображён пруд с цветущими лотосами, утками и рыбами, а среди камыша летали стрекозы. На потолке зала раскинулось лазурное небо с голубями и порхающими красными бабочками. Цветные орнаменты из стекла поднимались до самого потолка, а стены отливали золотом. Здесь находилось огромное количество сокровищ, смущавших воображение. Исида с улыбкой наблюдала за мной.

– Ты очарована? – испытывающе спросила она. Я молчала, онемев. У меня не было слов, чтобы выразить восхищение искусством древних мастеров. – Мне нравится, что ты равнодушна к сокровищам. Это только вещи. Многие люди стремятся заполучить их, думая, что в этом заключено истинное счастье. Но счастье в них самих, в их бесценных душах. Правда, люди меньше всего думают о своих душах. Бог вложил в душу каждого частицу самого Себя. Ведь люди дети Бога, а значит, сами боги, но они забыли об этом, – с сожалением сказала богиня.

Я продолжала разглядывать убранство зала, так как каждый предмет был произведением искусства. «Этот дворец намного роскошнее храма Исиды», – подумала я. Мне показалось это странным, как, впрочем, и поклонение священным коровам, кошкам, деревьям и даже Солнцу. Словно они были одухотворёнными, как люди. Хотя, может быть, странными стали мы, современные люди, принимая всё как данность и не задумываясь,

что весь мир, – это проявление Бога. Может быть, они, жившие несколько тысячелетий назад, были намного духовнее нас, современных людей? Ведь Бог даёт человечеству всё, даже самого Себя, однако, люди в своём невежестве из всего делают проклятье!

– Я покажу тебе залы Аменти, – словно о чём-то вспомнив, произнесла Исида

У меня забилось сердце. Я знала, что залы Аменти находятся в пирамиде Хеопса –

самой большой из трёх пирамид в Гизе. Это сооружение – неразрешимая головоломка из числовых комбинаций: пирамида была построена на основе герметической геометрии, науки, известной только ограниченному кругу посвящённых. Сама форма пирамиды соответствовала пропорции золотого сечения – закону гармонии. Очевидно, познания египтян в математике и астрономии были обширными. Удивительно, что пирамида с абсо-

лутной точностью ориентирована относительно сторон света. В Египте преобладал звёздный культ, который предполагал, что души умерших фараонов становились звёздами. Только они имели право на астральное перерождение. На звёздном небе главным считалось движение Большой Медведицы – Бедро Коровы, как её называли египтяне, Ориона и Большого Пса, в котором находится Сириус. Орион и Сириус соответствовали богу неба Осирису и богине Исиде, относящейся также к небу. Три звезды пояса Ориона соответствовали трём пирамидам в Гизе.

– Народом всегда управляли боги, полубоги и цари, – прервала мои размышления богиня. – Эпоха богов длится 36524 года, а полубогов 5813 лет, – печально сказала она, словно устав от своей роли. – Среди царей было много полубогов. Например, фараон Эхнатон не был землянином, а происходил из звёздной системы Сириуса. Он создал первую религию – религию Солнца, которому следовало поклоняться, как олицетворению единства, объявив, что Бог пребывает в каждом. Эхнатон запретил военные походы и учредил курс двенадцатилетнего обучения тайным знаниям, в которые посвящались жрецы. Многие из них были женщины. Они жили в подземном городе, под Великой пирамидой. Посвящённые работали с различными аспектами человеческой природы, и для преодоления страха они должны были войти в углубление, заполненное водой, опу-

ститься на дно и вынырнуть через маленькое отверстие на другой стороне, – таинственным голосом говорила Исида. Но, увидев мой ироничный взгляд, добавила: – это отверстие вовсе не вело на поверхность, и посвящённый должен был возвращаться и всё повторять. Это проводилось для специальных тренировок, – всё так же загадочно произнесла богиня. «Наверное, они держали там крокодилов!» – испуганно подумала я. – После прохождения всего курса, посвящённые спускались на три дня в Великую Пирамиду для последнего обряда посвящения. Идём же!

Солнце припекало, и хотелось скрыться в густой тени апельсиновых деревьев, на которых, как золотые диски солнца, желтели плоды. Встречные феллахи, увидев богиню, закрывали руками лица и почтительно склоняли головы. Мы возвращались к пирамиде. Однако вход в неё располагался довольно высоко. Богиня взяла меня за руку и словно на невидимом лифте мы легко взлетели вверх. Я волновалась. Залы Аменти – это искривление пространства, туда ведёт только один вход.

В Залы Аменти вёл туннель, представляющий зал посвящения.

– Здесь находится чертог Правителя и Правительницы, – радостно сказала Исида. – В этом туннеле проходил первый этап посвящения, и отсюда ученики переходили в Зал Правителя. Будь осторожна, здесь все мысли тут же превращаются в реальность,

потому что это пространство четвёртого измерения. Многие люди погибли, поскольку дали волю своим эмоциям, – заботливо предупредила Исида.

От страха, я не могла ни о чём думать и шла на автопилоте. Большая галерея, метров пятьдесят в длину, казалась бесконечной, так как отшлифованные стены отражали свет металлических плит. Благодаря этому эффекту, прямоугольник входа терялся из виду. Мы вошли в Зал Правителя, и я облегчённо вздохнула.

Здесь стоял саркофаг, высеченный из цельного куска гранита. Он был пуст.

– В нём посвящённые должны пролежать три дня в медитации, освободившись от страха и пережив внутренние драматические чувства. Затем перейти в Зал Правительницы, чтобы прийти в состояние душевного равновесия, – тихим голосом произнесла богиня. – Здесь происходит возрождение души, – добавила она. – Путь посвящённых долог и труден. Только через внутренние испытания можно достичь бессмертия духа...

Сам вид саркофага устрашал. Казалось, что он был из металла. Я заглянула в него и увидела на дне какой-то белый порошок. У людей, находящихся в глубокой медитации, выделяется из гипофиза большое количество особого гормона, который превращается в кристаллический порошок. Очевидно, в саркофаге проходили обряд посвящения многие люди. Я отпрянула назад, но не могла ото-

рвать взгляд от саркофага. Пространство сузилось, превратившись в одну точку. Вдруг я увидела над собой огромных прозрачных существ, глядящих на меня. Они появлялись и исчезали, пугая своим внезапным проявлением в крошечной тьме. Наверное, это было, как выход в космос. Передо мной возникли образы незнакомых людей, сцены жертвоприношений. Я увидела знакомый храм Исиды и жрицу, зажигающую огонь на жертвеннике. Она кого-то напоминала... Мне захотелось посмотреться в зеркало! Может быть, это была память прошлых воплощений?

Богиня испытывающе смотрела, словно заставляя поверить в невозможное. Сколько времени я здесь нахожусь? Ведь в другом мире время течёт по-другому. «Мне нужно домой!» – заволновалась я, вспомнив про туннель, где реализуются мысли. Голубые глаза Исиды были печальны.

– Мы ещё увидимся, я вернусь, – сказала богиня, видимо, прочитав мои мысли.

Я очень удивилась тому, что сидела на полу. Круглая луна заглядывала в окно, освещая коридор. Со стены на меня смотрело изображение Исиды. Мне показалось, что она загадочно улыбалась...

Что только не пригрезится! – подумала я, потирая ушибленный лоб. Какая душная ночь, однако...

КОГДА ЦВЕТЁТ ЖИМОЛОСТЬ

Священная звезда стремительно падала вниз. Как на чёрно-белой плёнке был виден её шлейф. Сияние становилось размытым и на глазах превращалось в цветок, который словно парил в тёмной бездне небосвода. Он напоминал тюльпан, но через считанные секунды уже превращался в розу, затем в орхидею, полупрозрачную и необыкновенно прекрасную. От цветка исходили голубоватые светящиеся лучи. Они словно пронизывали моё тело, наполняя его восторгом. Вверх стали подниматься кванты света, будто моя душа посылала лучи признательности за необыкновенное зрелище. Голова слегка кружи-

лась, словно опьянённая глотком шампанского. Миг, и стало темно. Внезапно передо мной возникла сияющая стена, на которой стали появляться какие-то иероглифы. Кажется, что чья-то невидимая рука аккуратно и быстро выписывала их. Я никогда не видела подобных знаков. Видимо, это была какая-то древняя письменность одной из ушедших цивилизаций. Может, так писали лемурийцы или атланты? Невозможно было отвести взгляд от необычных знаков. Вдруг, я обратила внимание на изображение открытой ладони – это же майя! Таинственная и давняя цивилизация, с которой нас разделяют тысячи лет, – только и успела подумать я, как миг стало опять темно и неизвестная невидимая сила легко подхватив меня, с большой скоростью устремила вверх. Надо мной раскинулось тёмно-синее пространство, глубокое и холодное. Я боялась смотреть вниз, чувствуя, что внизу то же самое. Ни Луны, ни звёзд не было, но всё же какое-то свечение позволяло ориентироваться. Где-то высоко вспыхнули мерцающие огни, воссоздающие контур огромного коленопреклонённого человека. Светящийся плащ ниспадал фалдами к его ногам, а профиль был устремлён вперёд. На его ладони сияла большая яркая звезда. «Звёздный принц» заговорил, словно обращаясь ко мне. Он поведал о бескрайней вселенной, о безусловной любви, не знающей границ, которая называется Божественной, о счастье созидания миров, творимых мыслью.

Моя душа радовалась, приняв это благословение.

Образ звёздного человека исчез. За спиной я услышала звук, напоминающий шелест. Обернувшись, увидела Ангела. Его огромные крылья светились, и светлые локоны ниспадали на плечи. От него исходило необыкновенное спокойствие и лёгкость, большие глаза излучали доброту.

– Полетим со мной! Я покажу тебе много чудесного, – улыбнулся Ангел так, будто мы были знакомы всегда.

Секунду я смотрела на него в растерянности, не зная, что казать, но тут же кивком головы согласилась. Мы взмыли ввысь.казалось, что пространство движется вместе с нами.

– Раньше твоя душа летала только во сне, и тебе казались некоторые из снов фантазиями, но ты можешь увидеть тонкий мир совсем по-другому. Мы уже пересекли границу земного мира, это – астральный мир, он называется Анда, – произнёс Ангел, и его крылья засветились серебристым светом.

– Анды названы в честь астрального мира? – спросила я у Ангела.

– Конечно, ведь они такие же высокие и неприступные, – очень серьёзно ответил он. – Выше существуют ещё миры, доступные лишь немногим людям. Только самые сильные души достигают мира Истины и Любви. Их очень мало, потому что большинство людей живёт обычной земной жизнью и даже не

знают о том, что их истинный дом вовсе не на Земле. – Ангел посмотрел на меня, словно хотел удостовериться: верю я или нет.

– А ещё выше есть миры? – я вся загорелась от любопытства.

Ангел улыбнулся.

– Есть, – ответил он медленно.

– А тот мир как называется? – мне хотелось узнать всё сразу.

– Он называется Алак, – это огненный мир, его формы и образы сверкают и переливаются всеми цветами радуги. Этот мир сотворён из очень тонкой светонесущей материи и образует тела более высокоразвитых существ. Все эти миры Вселенной населены разумными существами, так же, как и земной мир. В высших мирах живут духовные, божественные создания, но во Вселенной существуют и вредоносные существа. Миры различаются только частотой вибраций – длиной волны. Чем утончённее человек, тем легче он воспринимает более тонкие волны и тогда видит другой мир, – Ангел многозначительно посмотрел на меня.

– Говорят, что земная трёхмерная реальность создана длиной волны 7,23 см, и если её изменить, совершив поворот на 90 градусов, то можно исчезнуть из этой реальности и оказаться в том мире, на который настроились, – сказала я, поглядывая на Ангела. Он промолчал.

Под нами плыла Земля, окутанная кружевом облаков. Мы окунулись в это белое

море, невесомое, загадочное и живое. Облака словно о чём-то перешёптывались между собой, тут же расставаясь друг с другом. Это было какое-то облачное содружество. «Главное, чтобы нас не занесло в Антарктиду, на Землю Королевы Мод или на Землю принцессы Елизаветы у Моря Содружества. Тогда уж будет полное содружество: Земли и Неба», – подумала я, испуганно посмотрев на Ангела. Он был спокоен.

Уже появлялись чёткие контуры материков, но ориентироваться всё же было очень сложно – ведь я никогда не видела Землю с такой высоты. Наконец, обозначились очертания вытянутого полуострова, и я догадалась, что это Калифорния. Мы пролетели немного восточнее.

– Видишь полуостров на юге моря? Это Юкатан – земля оленей и индеек, – сказал Ангел.

Я устремила взгляд вниз: Карибское море было не больше лужицы, полуостров казался совсем крошечным. «Земля майя! – у меня радостно забилось сердце. – Он знает! Он действительно знает мою мечту!» Я так обрадовалась, что не знала, куда смотреть: то ли на Ангела, то ли вниз, туда, где под покровом непроходимых джунглей скрывалось невероятное количество городов, храмов, пирамид и святилищ майя. Эта удивительная цивилизация до сих пор будоражит умы людей. Она загадочно появилась на сцене истории в полном расцвете и ещё более загадочно исчезла...

Внизу была незнакомая местность. Казалось, что она покрыта зелёным ковром.

– Это джунгли Юкатана, – Ангел весело улыбнулся, пытливо поглядывая на меня. Да, это было царство индейцев майя. Под нами переливалось зелёно-голубое Карибское море.

Земля была уже очень близко. Невысокие горы утопали в пышной растительности. Множество храмов и пирамид виднелось среди этого буйства природы. Ангел грациозно сложил крылья, и мы опустились на землю. Влажный воздух был напоён незнакомыми запахами. Отовсюду слышалось пение экзотических птиц и казалось, что это земной рай.

– Майя означает иллюзорный мир, великий, волшебный и разумный. Это была последняя великая цивилизация на этой планете, – тихо произнёс Ангел.

– Римскую богиню весны тоже звали Майя, – обрадовано отозвалась я.

– Да, и самая яркая звезда в скоплении Плеяды тоже носит название Майя, – сказал Ангел, и его крылья при этом засияли ещё сильнее.

«Индейцы майя действительно как иллюзия возникли, словно появились ниоткуда, и в самом расцвете загадочно куда-то исчезли, оставив свои города, храмы, святилища на произвол времени», – подумала я и пытливо посмотрела на Ангела.

– Почему ниоткуда? – удивился он, прочитав мою мысль. – Их создали качина, ко-

торые спустились с Дороги Звёзд. Качина были существами с другой планеты Тоонаотека, которая находится очень далеко от этой солнечной системы. Они производили людей таинственным образом: женщины беременели без всяких контактов! Ведь первые люди были созданы без отца, их и называли созданными. Они были созданы чудом, – подтвердил Ангел. – Майя, как и другие индейцы, связаны с качина – высшими посвящёнными, и Пернатый Змей тоже был качина, индейцы считали его своим богом. Майя называли его Кецалькоатль или Кукулькан. Даже в своих легендах они передавали, что у него было крупное сильное тело, а лицо закрыто маской. Он носил белые одежды, головной убор в виде фески, светящееся ожерелье из морских раковин с цепочкой на ногах и каучуковые сандалии. К тому же, у него были широко расставленные колючие глаза и – борода, – говорил Ангел, а я почему-то представила индуса. – Он научил людей всем наукам: математике, астрономии, ремёслам, издал мудрые законы и удалился на небо, – ведь для них он был богом. Ещё его называли Тотек, – Владыка Кольца, или Облачным Змеем. Кукулькан научил индейцев выращивать цветной хлопок и кукурузу с початками величиной в человеческий рост, – глаза Ангела засияли при этом, будто это всё он видел сам.

– Неужели такое может быть? – удивилась я. Ангел лишь улыбнулся.

Мы вышли на площадь, тщательно уложенную камнем. Со стен ритуальных святилищ, украшенных резьбой по камню и непонятными знаками, на нас смотрели древние боги, змеи с человеческими лицами в шлемах... Казалось, что мы почувствовали дыхание и мысли тех, кто создавал эти образы. Мне стало не по себе. Даже не верилось в то, что эти прекрасные рельефы были созданы без применения металла.

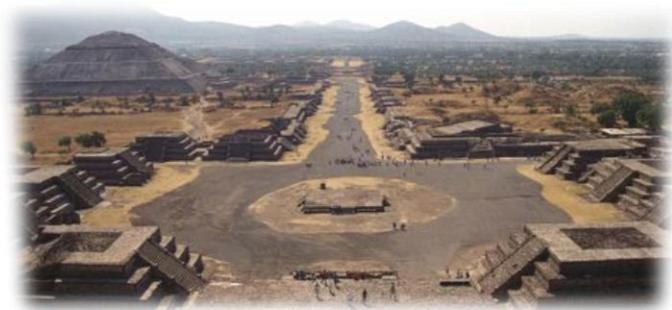
– Древние индейцы освоили эту территорию за тысячи лет до того, как предки европейцев вообще узнали о её существовании. Всего 500 лет назад человечество совершило открытие Америки, – улыбнулся Ангел.

«Конечно, ему 500 лет, видимо, вовсе ничего», – подумала я.

– В Европе в это время Рим только превращался в Империю, а на этой земле уже был расцвет цивилизации, – сказал Ангел, словно размышляя.

На юг проходила отличная дорога длиной около трёх километров. Слишком широкая по современным меркам, как мне показалось. «Интересно, зачем нужны были такие дороги, шириной в сорок метров», – недоумевала я.

– Мы находимся в городе Тестиукан. Это древнейший город – Город Богов. На самом деле, настоящее название этого города никто не знает. Эта дорога – Улица Мёртвых. Это дорога роскоши, – сказал Ангел и продолжил, – видишь, она имеет тридцатиградусный

уклон, и если смотреть с юга, возникает оптический обман, что этот великолепный проспект ведёт в небеса.

Действительно, дорога, будто лестница, поднималась вверх. Слева и справа стояли пирамиды и храмы, ступенчатые башни и святилища. Огромные пирамиды Солнца и Луны возвышались среди яркой зелени. Пирамида Солнца словно вонзалась в небо, и я, запрокинув голову, глядела на это чудо. Улица заканчивалась пирамидой Луны, высотой примерно метров пятидесяти, с пятью террасами и широкой лестницей, ведущей на верхнюю платформу. Пирамида Солнца была более высокая и грандиозная, чем пирамида Хеопса в Гизе! Фасады обеих пирамид были покрыты штукатуркой и богато украшены рельефами Пернатого Змея, ягуаров, обезьян, жрецов с непонятными предметами в руках и с крыльями за спиной. Я стола, очарованная этим великолепием.

– Древние майя говорили, что в архитектуре их зданий заключены формы цветов, –

Ангел одобрительно смотрел на пирамиду. – Когда-то вершину венчала статуя бога, покрытая золотом и серебром, которая ещё существовала во времена испанцев, правда, первый епископ Мексики велел переплавить огромную статую. Золото было для них важнее богов, – печально произнёс он. – Смотри, вот и Цитадель – Храм Пернатого Змея, – это самое красивое сооружение, – Ангел показывал на огромный храм, богато украшенный лепкой. Большие головы пернатых змеев были окружены стилизованными лучами, что делало их похожими на драконов. Украшенные перьями змеиные тела извивались по всему фризу. Со стен и лестниц взирали маски существ-химер. Стены, покрытые великолепными фресками, переливались красками. – Храм Кукулькана носит глубокий мистический смысл. Его символом была Венера, но сам символ крылатого бога существовал ещё до ацтеков и майя, – многозначительно сказал Ангел, намекая, видимо, на ещё более раннюю цивилизацию или на людей, прилетавших с других планет. – Его принесли те, кто пришёл с дороги звёзд. Древние майя считали, что Млечный Путь является творцом всего сущего. Он опоясывает всё небо как Небесная Рептилия, голова которой накладывается на созвездие Стрельца. А в созвездии Змееносца – самом мистическом из всех созвездий – это будто раскрытая пасть, созданная контуром галактических облаков. Это место майя считали тайным входом во

Вселенную. Своим хвостом, захватывая рукав Персея, Змееносец накладывается на созвездия Близнецов и Тельца, выходя на созвездие Ориона. Майя называли созвездие Змееносца – Летучая Мышь. Они верили, что после смерти души умерших возносились по Млечному Пути как по спирали раковины улитки. Пространством Духа Улитки согласно текстам майя заведовала Летучая Мышь, ведь дом созвездия с этим названием приходится на центр галактического ядра.

Мы отошли под сень огромного дерева, усыпанного плодами.

– Это опунция, в её плодах, как и в цитрусовых, много витамина С, – сказал Ангел, протягивая мне плоды. Они были сладкими на вкус.

– Расскажи дальше, – попросила я.

– Млечный Путь имеет диаметр сто тысяч световых лет и в нём примерно сто миллиардов пригодных для жизни планет. Мышление майя сильно отличается от принятого ныне людьми восприятия мира. У них была двадцатеричная система исчисления, и она позволяла им оперировать огромными числами. Индейцы майя обладали подробнейшими сведениями о планетах. По их расчётам венерианский год составлял 583, 92 дня, а данные орбиты Венеры были известны с такой точностью, что за столетие расходились меньше, чем на тридцать минут. Но ведь они жили в таком месте, где шесть месяцев в году небо было затянуто тропическими тучами, – рас-

сказывал Ангел, а я тем временем разглядывала небольшую скульптуру какого-то непонятного существа, сидящего на задних лапах, с высунутым языком. Оно напоминало какую-то зверушку. Очевидно, это было культовое изображение ягуара, которому поклонялись майя.

Мы прошли немного вперёд, разглядывая стелы и рельефы на башнях, изумляясь мастерству и творческому гению индейцев.

– Майя знали орбиты Марса, Юпитера, Полярной звезды, Земли вокруг Солнца до четырёх цифр после запятой: 365, 2421 дня! И даже то, что на Марсе лежит мелкий песок! Они жили и верили, что их бог вернётся к ним через 52 года, и создали свой календарь, каждый раз ожидая его появления. Но однажды эта дата совпала с прибытием Эрнандо Кортеса на их землю. Индейцы были уверены, что это возвратившийся Кукулькан или его посланец. Доверчивый жрец-правитель Монтесума не распознал в нём истинного пришельца, – рассказывал Ангел, немного отступив в тень сейбы – реликтового дерева.

– Расскажи мне о Кортесе подробнее, – попросила я.

– Эрнандо родился в 1485 году в городе Меделья, – это испанская провинция. Он был дворянин, учился в университет Саламанки, где изучал юриспруденцию, но никогда не отличался порядочностью. Да и что пользы в образовании, если мозг остаётся лукав, а

язык лжив? Когда ему исполнилось двадцать шесть лет, он отправился в полное приключение путешествие с Диего де Веласкесом к Новому Свету на одиннадцати кораблях. С ними были около шестисот восьмидесяти человек. Конечно, он и не догадывался, что войдёт в историю человечества как разрушитель величественной культуры, равной которой не было во всём мире, – печально сказал Ангел. – Кортес был красавцем и любимцем женщин, но часто внешняя красота бывает обманчива. Всякая душа стремится к бескорыстию, но разум человека всегда исполнен эгоизма, – продолжил он.

Мы стояли некоторое время в молчании.

– А что было дальше? – спросила я, увлечённая рассказом Ангела.

– Корабль Кортеса шёл под чёрным флагом, расшитым золотом, на котором был изображён пурпурно-красный крест и девиз императора Константина: «In hoc signo vinces» – «Под этим знаком победишь», но это не помогло ему. Кортес основал первый испанский город в Мексике – Веракрус, несмотря на непривычный для испанцев климат и тропические болезни. Он потерпел поражение и бежал из Мехико: против него выступило войско ацтеков численностью двести тысяч воинов.

Ангел поднял голову, гордый этой победой. Я представила Кортеса, одетого в адмиральский мундир и восседающего на коне, украшенном цветным плюмажем и серебря-

ной сбруёй, шествующего по широкому проспекту неприступного города со своим отрядом солдат с арбалетами и знамёнами. И огромное войско ацтеков с нагорья. Эта битва была действительно «ночью печали» для него.

– Испанцы бежали, охваченные паникой. Обсидиановые копья индейцев вонзались в их тела, и лошади несли их под градом стрел. Отряд конкистадоров сократился наполовину. Кортес был тяжело ранен, часть награбленных сокровищ утонула в лагуне. Неделию спустя Кортес с горсткой солдат бежал через долину Отумбы. Через несколько месяцев он вернулся с усиленной армией. В городе был новый правитель, Куаутемок. Он защищал свой город, но под огнём пушек индейцы отступили – ведь они никогда такого оружия не видели. Отряд Кортеса разыскивал сокровища, но вождь даже под пытками не сказал, где они спрятаны. Вождя повесили, индейцев калечили и убивали. Город был завоёван испанцами, превращён в руины, сожжён. На этом пепелище построен город Мехико, но сокровища не найдены до сих пор, – торжественно произнёс Ангел.

– Какая печальная история, никогда не думала, что испанцы такие кровожадные, – я отчётливо представила историю этого варварства.

– Спустя три года на нагорье Гватемалы капитан Педро де Альварадо встретился с летающим военачальником майя, – Ангел очень

выразительно посмотрел на меня. Я вся превратилась в слух. – Полководец Текум поднялся в воздух и превратился в орла. Крылья с настоящими перьями выросли из его тела. Своим обсидиановым мечом он отрубил голову лошади капитана, но тот изловчился и заколол летающего индейца. Это место получило название Кецальтенанго. Один из городов носит это название, а в Гватемала-сити стоит памятник летающему индейскому полководцу Текуму, – сказал Ангел и встал, расправив крылья. Я не знала, что и сказать. «Наверное, это Пернатый Змей научил индейца летать», – подумалось мне. – Раса летающих людей обитала на другой планете, которая находится вблизи центра галактики. Ночью небо усыпано звёздами так густо, что между ними почти не видно промежутков, – разоткровенничался вдруг мой Ангел.

– Наверное, это очень далеко? – спросила я и только теперь заметила, что стало светать.

– Да, это довольно далеко: Земля удалена от центра Млечного Пути на тридцать тысяч световых лет. В том мире солнце вступало в стадию Новой звезды и на планете менялись условия. Во влажных джунглях было трудно дышать и к тому же, у этой расы летающих людей появился страх отчуждённости. Они переместились на Землю, – Ангел произнёс это так просто, словно само собой разумеющееся.

– Как это было давно! – воскликнула я.

– Для народа майя время так же не имеет значения, как и для самого Творца. Они обладают бесконечной свободой сознания, чем отличаются от обычных людей, – голубые глаза Ангела пытливо смотрели на меня.

– Поэтому ты говоришь о них в настоящем времени? – спросила я. Ангел ответил лёгким кивком головы. – Индейцы майя жили здесь всегда? – задала я, наверное, нелепый вопрос.

– Нет. Родной континент древних индейцев Кассакара погрузился в пучину Тихого океана, и они переселились сюда. Но это было очень давно. Теперь от этого континента остались лишь самые высокие участки земли – Полинезийские острова. Как и континент Атлантида. Теперь её вершины возвышаются в Атлантическом океане, их называют Азорские острова, – ответил Ангел.

– Это где остров Санта-Мария? – уточнила я.

– Да, от континента осталось всего девять островов: Грасиоза, Тейсейра... – перечислял голубоглазый небожитель.

– Знаю, знаю, там город Санта-Барбара, – засмеялась я, вспомнив долгий-предолгий телесериал. – Об Атлантиде ходит столько легенд! Почему же она затонула? – Многие думают, что это просто вымысел.

– О, это была великая цивилизация! Она была намного выше цивилизации египтян. Это атланты построили пирамиды в Египте. Атлантам были известны природа и мощь

космических сил, земных теллурических токов. Они знали секрет концентрации солнечной энергии. Для этого применялся кристалл с магнитными свойствами: большой цилиндрический многогранник. Его верхушка собирала солнечную энергию и концентрировала её в середине. Это высшее достижение цивилизации атлантов. Кристалл мог отражать лучи Солнца и Луны, вызвать извержение вулкана и землетрясение. Атланты стали использовать этот гигантский кварцевый кристалл в агрессивных целях, решив завоевать Азию. Когда лучи кристалл были направлены в центр Земли, произошёл взрыв неимоверной силы и континент Атлантида пошёл ко дну. К тому же, атланты применяли магию, растрачивали жизненные силы планеты и нарушали духовные законы. Копии всех документов Атлантиды о её истории и всей цивилизации были перенесены в Египет атлантами и спрятаны в небольшой пирамиде между рекой Нил и Сфинксом. Она размещается под землёй и люди скоро её найдут. Если бы люди знали, что главное для человека не плоть, а дух, они меньше бы заботились о ненужных благах и сомнительных развлечениях. На Земле стало бы намного меньше соблазнов и пошлости, чтобы не повторить историю Атлантиды, — очень серьёзно сказал Ангел. — Даже надпись на пирамидах гласит: «Люди погибнут от незнания истинного мира либо от неумения пользоваться силами природы», — добавил он.

Вдруг невдалеке я увидела женщину с кожей цвета полированного красного дерева и копной седых волос, увенчанную головным убором из перьев.

– Индейцы натирают тело мазью из семян дерева биха, это придаёт коже красный оттенок и предохраняет от укусов насекомых, – поведал Ангел индейские тайны.

Казалось, женщина не видела нас и усе-лась на землю около каменной плиты. Она начала переставлять на ней какие-то каменные фигурки, словно играя в камео – так называется игра с самим собой.

– Что делает эта женщина? – полюбопытствовала я.

– Говорит с духами, ведь это место поклонения Великой Праматери. Индейская легенда рассказывает, что в очень давние времена со звёзд прилетел золотой корабль. На нём прибыла женщина по имени Ориана. Она должна была стать праматерью Земли. У неё было на руках по четыре пальца, соединённых перепонками. Ориана родила 70 протых смертных и возвратилась на звёзды... – задумчиво произнёс Ангел.

– Какая интересная легенда! Первый раз слышу о летающих женщинах, – воскликнула я, внимательно наблюдая тем временем за индианкой.

– На Земле в некоторых местах существуют наскальные рисунки с фигурами существ с четырьмя пальцами, например, в Пе-

ру, в городе Тиауанако, – спокойно ответил Ангел. «Наверное, у этого Пернатого Облачного Змея тоже были такие руки, по-моему, они с Орианой прилетели из одного созвездия – Орион», – подумала я.

Тем временем женщина принялась пританцовывать около своих фигурок. Её обнажённую грудь прикрывало только многослойное ожерелье из бус. Зелёные перья, украшавшие голову, были знаком Пернатого Змея. Внезапно пространство озарилось мягким золотистым светом, и в его ореоле возник полупрозрачный образ женщины. Мне показалось, что у неё был... рыбий хвост. Индианка упала ниц. Некоторое время образ продолжал светиться, но вскоре так же внезапно исчез. В изумлении я не могла пошевелиться.

– Индианка просила о потомстве, о продолжении рода, – тихо сказал Ангел, словно боялся, что его услышит Дух Праматери. Стояла тишина, и только издалека слышался вой койота, от которого становилось не по себе.

– Пойдём, я покажу тебе Бога Счастья, – прошептал Ангел и взял меня за руку.

Мы прошли мимо куста гибискуса, соцветия которого фейерверками ниспадали вниз, мимо причудливых орхидей и многочисленных кактусов. На прогалине стоял камень высотой с метр, на котором было изображено радостное лицо с налобной повязкой: над большим клювообразным, как у филина, но-

сом смеялись овалы глаза, рот растягивался в счастливой улыбке.

– Какой симпатичный! – воскликнула я и поцеловала его в лоб. Я даже растрогалась: Бог Счастья, который стоит здесь целую вечность, улыбается мне!

– Наверное, тебе будет интересно узнать, как Кристобель Колон, которого стали называть Колумбом, во время своего первого путешествия открыл остров Сан-Себастьян. За ним был материк Америка. Колумб привёз сведения о том, что есть острова, населённые только женщинами, – Ангел тоже улыбался, как Бог Счастья. – Ему об этом сообщили туземцы-араваки, и он в своём судовом журнале записал об этом. Это было ещё в начале 1483 года, а целую группу островов Колумб назвал девичьими – Ислас Виргинес – Виргинские острова. Даже Эрнандо Кортес получал указания искать амазонок! В то время многие конкистадоры-испанцы из благородных семей отправлялись искать золото индейцев: «Золотой город» – Эль Дорадо.

– Никогда не думала, что индейцы как-то связаны с амазонками, – удивилась я.

– Однажды королевский капитан дон Франциско Орельяна на своей бригантине добрался до такого острова. Его путь проходил по Великой Реке, которую местные жители называли Амакуна. В самом широком разливе реки находился большой остров с городом Маноа, владычицами которого были женщины. Но, к ужасу испанцев, туземцы

оказали сопротивление. Руководила битвой женщина, имя которой было Коньяпуара – Великая Госпожа. Она была почти нагой, прикрытая лишь шкурой ягуара, с перьями тукана и в диадеме из благородных камней на голове. Госпожа и её воительницы сияли удивительной красотой тела. После битвы капитан приказал возвращаться на корабль, забрав раненых и убитых, и покинул остров... Великая Река, по которой впервые прошёл европеец Орельяна, стала известной всему миру. Он написал о ней – река амазонок: «рио де лас амазонас». Амазонка величайшая река мира, её длина около семи тысяч километров, – очень серьёзно сказал Ангел, и мне показалось, что его глаза стали синими.

Мы уселись на траву под кроной великолепного древнего дерева с забавным названием ауэуэте.

– Амазонками интересовались очень многие, даже французский король Людовик XIII. Это было ещё в начале XVII века, – повествовал мой очаровательный спутник.

Я слушала и представляла, как по улице Парижа шёл высокий юноша, одетый в лохмотья, но с непринуждённой осанкой аристократа. Он не обращал никакого внимания на крики торговцев и грохот каретных колёс по булыжной мостовой. Бронзоволицый юноша привлекал внимание прохожих, хотя в то время в Париже были не только арабы, турки, но и негры – ведь Франция обзавелась колониями. И вот над всей этой шумящей

толпой раздался удивительный крик, который перекрыл весь уличный гам – это кричал юноша. Кстати, этому крику индейцы учились у молодых девушек, от него медведи падали с дерева! Кучер осадил лошадей кареты с гербом на дверцах, они тут же распахнулись, и важный господин, выскочивший из кареты, начал оглядываться по сторонам: не ослышался ли он – ведь в Париже прозвучал боевой клич одного из индейских племён!

– Юноша был индейцем? – я чуть не вскочила с травы.

– Да, так состоялась встреча маркиза Жака де Моке с сыном индейского вождя, правда, не майя, а тупинамбо. Юношу звали Капок, и он получил аудиенцию у Людовика XIII! Король не только принял гостя, но долго и обстоятельно с ним беседовал. Молодой индеец был образован и говорил по-французски. Рассказывая о себе, юноша упомянул о том, что сын вождя, но не сын его супруги. В его племени испокон веков существует обычай: каждую весну мужчин его племени приглашают в соседнее племя, состоящее... из одних женщин. Если после этого визита рождаются девочки, они остаются в женском племени. Если мальчики – их отдают отцу. Так отдали вождю его сына. Король был захвачен рассказом и наградил индейца. Ведь реальность юноши подтверждала все мифы об амазонках! – закончил рассказ Ангел, удобно облокотившись о ствол дерева. – В жилах народов, населяющих Америку, есть

кровь кельтов, арабов, готов и галлов. Ни одна часть света не видела столь огромного смешения рас, как Америка. Люди предполагают, что этот континент был заселён евреями – потомками Ноя, десятью коленами Израилевыми, исчезнувшими в VIII веке до новой эры, после ассирийского завоевания, или, что это жители Атлантиды, – загадочно улыбнулся Ангел. – Например, здесь живут потомки негров и индианок, которых называют самбо.

– Самбо? – переспросила я. – Это прямо как название танца. А как называют потомка испанца и мулатки?

– Мориско, – ответил Ангел, и я тут же задала следующий вопрос:

– А что индейцы вообще едят? Индеек?

Ангел засмеялся шутке и сказал:

– Тамаль – маисовое блюдо, завернутое в листья батата, и пьют пультке, – это освежающий некрепкий спиртной напиток из мёда или сока. Самое знаменитое блюдо называется эмпанас – из маисовой муки и дичи. Ещё едят высушенных лососей и желудёвую похлёбку, которая, думаю, тебе понравится, – засмеялся Ангел.

– Неужели это вкусно? – удивилась я.

– Несомненно! Кухня изысканная: на десерт – напиток из шоколада с кленовым сахаром. Всё у майя необыкновенное, даже ткань из индюшиных перьев и волокон крапивы. Вообще, тайна могущества индейцев заключается в вере в бессмертие, в его непре-

клонной стойкости. Индейцы обладают неиссякаемым запасом моральной силы и способностью противостоять с беспримерной выдержкой, – с восхищением говорил Ангел.

Воцарилось молчание. Лишь лёгкий ветерок пробежал по кустам цветущей жимолости, и листья, казалось, шептались друг с другом.

– Ты посвящаешь меня в индейские тайны, – тихо сказала я.

– Да, посвящение всегда принимают в то время, когда цветёт жимолость, так уж повелось, – ответил Ангел.

Невдалеке находилась пирамида Кукулькана, и у её подножия я увидела каменных слонов!

– Неужели здесь двенадцать тысяч лет назад обитали слоны? – удивилась я.

– Конечно. Из Азии через Атлантиду они попали сюда, – невозмутимо ответил Ангел. – Ведь даже из далёкого Китая торговцы добирались до Северной Америки. Поэтому у индейцев было много китайских изделий, монет, статуэток и оружия. Это знал ещё капитан Джеймс Кук в 1778 году, – укоризненно произнёс он.

Мне стало стыдно и жалко несчастного Кука, которого съели туземцы-каннибалы.

– Экспедиции двигались наудачу, держа курс на Пояс Ориона – так были открыты Гавайские острова, хотя карты для мореплавателей существовали давно. Турецкий адмирал флота в Персидском заливе, Пири Рейс,

ещё в 1511 году, вернувшись из экспедиции, составил 215 карт, а его знаменитый атлас составлен из двадцати разных карт, включая карту Колумба. Атлас был вычерчен изысканными красками на шкуре газели. На этом атласе были точно обозначены острова, бухты, контуры берегов не только Южной и Северной Америки, но и Антарктиды. Примерно десять тысяч лет назад между ними ещё существовала сухопутная связь. Эти карты, из которых Пири Рейс составил атлас, были подарком от гостей с Дороги Звёзд... – Ангел устремил взгляд в небо.

Я недоверчиво посмотрела на него. Он протянул ладонь, в которой появилась будто ниоткуда небольшая блестящая фигурка человечка. Я с изумлением разглядывала её. Золотой человечек был явно в шлеме, на котором торчали антенны, будто два гриба, в руках он держал какие-то трубки, обвивающие его, как шнуры микрофона, а на ногах у него были бахилы!

– Этой фигурке одиннадцать тысяч лет, – многозначительно произнёс Ангел, и она тут же исчезла. Сомнения мои рассеялись. Такого космонавта мог создать только тот, кто его видел...

– Я покажу тебе Камень Солнца! – великодушно воскликнул Ангел.

Мы прошли долиной мимо целого поля кактусов, и среди башен я увидела огромный круглый монолит весом не менее тридцати тонн, диаметром около трёх с половиной

метров. В центре его было изображение каких-то знаков. Это напоминало огромную пентаграмму.

– Это самое древнее изображение Пятого Солнца, – сказал Ангел, довольный моей растерянностью.

– Почему Пятого? – тут же задала я вопрос.

– У майя существует миф о Пяти Солнцах. Первым Солнцем было Солнце Ночи, где в царстве тьмы жили созданные богами великаны. «Не упади!», – предупреждали они друг друга. Второе Солнце было Солнцем Дыхания – Чистым Духом. Третье Солнце – Огненного Ливня. Мир оказался под лавой и огнём. Спаслись только птицы. Четвёртое Солнце было Солнцем Воды. Оно исчезло в водах Потопа. Пятое Солнце – это то, в эпоху которого мы живём – радостно сообщил Ангел. – Его называют ацтекским календарём.

Я с любопытством разглядывала знаки на камне: вокруг Солнца Движения располагались символы первых четырёх Солнц, а вокруг – два огненных змея – боги огня.

– А сколько всего будет солнц? Неуверенно спросила я.

Ангел, помолчав, произнёс:

– «Проснутся непроснувшиеся – те, кто ещё не проснулся в эти семь дней недолговечного царства, временного царства Семи Солнц», – так написано в известной майянской древней книге Чилам-Балам.

– Значит, будут ещё два Солнца? – в вопросе, конечно, подразумевалась дальнейшая жизнь на планете.

– В 2012 году закончится эпоха 2100 лет. Майя написали календарь под эту эпоху, конец которой подвели под зимнее солнцестояние, – ответил он.

– Я читала, что календарь майя загадочно начинался с 11 августа 3114 года до новой эры. Он назывался цолкин – священный год, и состоял из 260 дней. В году было двадцать месяцев по тринадцать дней, – отчеканила я, словно на экзамене.

– Да, каждый месяц носил имя бога: Илиш, Ик` Ак`баль... – перечислял Ангел имена. – В этот год происходили все религиозные ритуалы, но майя пользовались ещё и вторым календарём – хааб, в котором было восемнадцать месяцев по двадцать дней, и ещё пять дней, – всего 365 дней. Майя писали свои цифры вертикально колонками снизу вверх, увеличивая на степень 20. кстати, это основное число у майя, что означает человек.

– Интересно, почему именно двадцать? – удивилась я.

– Потому что божественные наставники качина, которым индейцы обязаны своими необычайными математическими познаниями, обучили их до гениальности простым способом: человек мог практиковать на десяти пальцах рук и десяти пальцах ног своего тела, – Ангел опять засмеялся.

– Майя обозначают цифры точками и чёрточками? – уточнила я.

– Да, но это не мешает им создавать невообразимые цифры, с которыми они могут производить вычисления. Некоторые надписи уходят за четыреста миллионов лет назад, да и начало календаря майя отделяют от настоящей эпохи майя тысячи лет, – загадочно произнёс Ангел.

Это было более чем странно: календарь

есть, а майя ещё нет?! Я ничего не понимала.

– На пирамиде Кукулькана в день весеннего солнцестояния, утром 21 марта восходящее солнце освещает восточную сторону пирамиды. Она так хитроумно размещена, что, чем выше поднимается солнце, тем больше его лучи освещают лестницу. На обеих боковинах её изображён крылатый змей. Его голова лежит на земле. При восходе солнца на боковине лестницы возникает игра

света и тени, волнистая полоса медленно сползает вниз, напоминая змея, и растворяется в свете. Эта гениальная проделка астрономов майя – послание через века людям. В день осеннего солнцестояния, 21 сентября всё повторяется в обратной последовательности. Очень красивое, завораживающее зрелище, люди со всего мира приезжают, чтоб на это посмотреть, – невозмутимо рассказывал Ангел.

Но мне календарь не давал покоя: почему два календаря? Я пыталась это понять.

– У них был свой ритм счёта из пятидесяти двух лет по 365 дней. По преданию вначале на Землю спустились четыре небесных посланника. Они тринадцать раз облетели планету, чтобы вернуться через пятьдесят два года, потому что планета, с которой прилетели качина, каждые пятьдесят два года была ближе всего к Земле. И это был их божественный календарь цолкин с его двести шестьюдесятью днями. В Мехико и сейчас отмечают «возвращение» посланников небес, – улыбаясь, сообщил Ангел.

– Удивительная цивилизация! Может быть, я тоже здесь когда-то жила? – мечтательно спросила я.

– Не прельщайся видением прошлого. Важнее знать, что прошлые воплощения и сейчас с тобой. Информационно ты всегда присутствуешь на всех планах бытия. Человек многоплановая сущность, и остаётся одной и той же индивидуальностью на всех

уровнях. Глубинными корнями каждый человек связан с вечностью. Вселенная по своей природе ментальна, это разумная энергия, проявляющаяся во всём: в куске кварца, в муравье. Различные формы являются разнообразными типами сознания, которые возникают при определённом взаимодействии частот. Майя способны приводить своё сознание в любые точки пространства, к другой реальности, переводить код ДНК в волновые структуры различных частот, – вещал белокурой небожитель. Я вдруг почувствовала себя маленькой и глупой девочкой.

– Хочу домой! – тихо сказала я, с восхищением глядя на эту притягивающую и пугающую одновременно чужую цивилизацию.

– Будем возвращаться? – Ангел взял меня за руку. Я молча кивнула головой.

Мы стояли на вершине горы Митридат. Казалось, что огромное пространство вокруг приветствует нас. Внизу у моря лежал город, мой город. Совсем рядом я увидела светящийся поток, проходящий сквозь гору: то ли выходящий из земли, то ли изливающийся с небес. Ангел улыбнулся, взял меня за руку, и мы вошли в этот поток. Внезапная радость наполнила моё сердце, она окрыляла меня, наполняя силой. Ангел взмахнул крылом, будто зачерпывая искрящийся поток, и вдруг снежное облако возникло передо мной.

– Ой, снег! – восхищённо закричала я и от восторга захлопала в ладоши. Синие глаза

Ангела сверкнули, словно молнии, и уже через миг я поняла, что это не снег. На город падал белый пепел. Ангел стоял невозмутимо-величественный. Я опустилась на колени, всё ещё не веря своим глазам и прикоснулась к земле. Это действительно был пепел. Непонимающе взглянула на Ангела.

– Это мысли людей, которых ты называешь друзьями, – спокойно ответил он.

Сильный порыв ветра, взявшийся неведь откуда, тут же унёс эту белую пыль, словно её никогда не было. Лёгкость, необыкновенную лёгкость почувствовала я, будто с плеч упала тяжёлая ноша.

– Люди живут во власти постоянных иллюзий, принимая зло за добро. Ведь зло выступает в разных одеяниях и под разными масками. Не всегда оно выглядит отталкивающе, часто оно скрывается под видом красоты. Ничто в этом мире не является таковым, как кажется по внешним признакам. Люди есть люди: говорят одно, делают другое, думают... Ведь именно в том, о чём они думают, в их мыслях таится опасность. Мысли материализуются и возвращаются к их создателю. Жёсткость мысли хуже самого действия. Будьте осторожны в мыслях ваших! Ибо тот, кто посеет ветер, пожнёт бурю, сметающую всё на Земле! Прости их, они только люди. Только прощение возвеличивает человека. Удел незрячих есть глагол, удел всевидящих

– молчанье, – голубые глаза Ангела смотрели прямо на меня.

– Я прощаю всех, – только и смогла я произнести.

– Изменяясь теперь, ты изменяешься в прошлом, – задумчиво сказал Ангел.

Я молча смотрела на город, лежащий у моих ног. Мне так хотелось, чтобы этот город, которому три тысячи лет, был самым лучшим на Земле, чтобы мир и радость жили на планете, и все люди были счастливы и любимы. Ангел улыбнулся, прочитав мои мысли. Ни на небе, ни на земле нет ничего выше, чем стремление принести пользу.

– «Ин лакеш» – «ты – другой я», – так приветствуют друг друга майянцы. Каждый из вас пусть наполнит сердца любовью для всех людей и для Земли, – тихо произнёс он. Его крылья затрепетали от лёгкого ветерка, и я почувствовала нежный запах жимолости, напомнивший о посвящении.

– До встречи!

Ангел легко взмахнул серебряными крыльями и растаял в воздухе. А я ещё долго стояла на горе, вслушиваясь в шум ветра, в котором слышалось: «Ты другой я».

Литературно-художественное издание

Дмитрюкова Галина Николаевна
«Относящаяся к небу»

проза

на русском языке

Редактор:

А. Н. Вдовенко

компьютерный набор, макет:

Т. В. Левченко

иллюстрации:

Интернет

Формат 84x63 1/32. Заказ № 72 Бумага офисная Печать цифровая. Усл.-печ. л. 2,5. Тираж 100 экз. Вёрстка, макет: Татьяна Левченко, «Керченское городское литературное объединение «Ли́ра Боспора»

..«Ин лаваш» - «Ты - другой я», -
так приветствуют друг друга майинцы.
Каждый из вас пусть выполнит сердца
любовью для всех людей и для Земли..

